The smile of the Digital God

Deathwisher

SHOUT
SHARE
IT

- Part 1. The snarl of the Razorblade God.

Part 1. The snarl of the Razorblade God.

Пробуждение первое.

А, чёрт….

Я вывалился из небытия мгновенно. Даже слишком быстро, на мой вкус. Вначале, я не мог понять, где, когда и что я. Темнота вокруг, только где-то из-под нижней границы Вселенной сочится бледный…. свет, кажется? Мне потребовалось где-то две секунды моей реальности, чтобы понять, куда я попал.

Я стянул с лица нейлоновые очки и тут же сощурил глаза от хлынувших на меня острых граней серого света, хлещущих из окна, предусмотрительно закрытого жалюзями. Но сейчас, они слегка раздвинулись, рассекая пласты света на эти режущие плоскости. Да, зарегистрировали изменения моего долбаного альфа-ритма.

Stick it up your ass….

Типа, просыпайся, солнышко. Доброго утречка. Как бы не так, вашу мать.

Дома, дома, дома – пело сознание. Нет, ублюдки, это не мой дом, подумал я, окидывая взглядом конуру, в которой я очнулся, одновременно садясь прямо в скомканных простынях.

Я сидел в ворохе грязного постельного белья, в провисающей кровати и пытался сгрести в кучку мысли. Они, в свою очередь, отчаянно сопротивлялись. Но мозг вроде работал, как должен был. Взгляд выхватывал, фиксировал, отпускал. Как мне нравилось ощущать это совершенство…

Кровать стояла у самой стены. Вокруг ровным слоем, как убитая стража, видимо хранившая меня от Чудовища-Из-Шкафа, валялись пустые коричнево-медные полулитровые бутылки пива. Пива «Старопрамен». Я насчитал ровно четырнадцать штук и подивился. Двум фактам: первому, что у меня неожиданно хороший вкус, и я пил это, а не «Бочкарёв». Второму, это как я умудрился выжрать столько, когда обычно, как я вроде помнил, в меня влезало не больше пяти, и как я при этом не…

Страшная мысль пронзила меня.

А, нет, простыни были сухими. Уже хорошо.

Среди пивной дивизии затесались бутылка «текилы» и ноль-семьдесять пять «Гжелки».

– Ни хрена себе. – Объявил я тоном диктора с радио пустой комнате. Голос у меня оказался пресным и хриплым.

Значит, пил не один. А я пью? Вроде да.

Ковер был из ковролина и это меня потрясло. Он был прожжён в нескольких местах и розового цвета, такого цвета, который тем утром просто обжигал мою сетчатку. Ой, а чего там только не было! Свет играл на бутылочных боках, отбрасывая призрачные зайчики на стены. На розовой мерзости как опавшие листья лежали маленькие пластиковые пакетики фиолетового цвета. Я аж залюбовался такой гармонией.

Так, пепел, как выпавший снег. Крошки в постели.

Комната была квадратной. В противоположной стене было окно, завешенное пыльными жалюзями, на подоконнике возвышался, как мощный наглый стояк, зелёные кактус.

Ну что, Лен, куда я его поставлю, здесь и так много…

Дерьма. Дерьмо было всё из кусков безрадостного пластика и проводов, одноразовых тарелок с засохшей едой, бутылок, стопок журналов.

Перед окном стоял стол. По форме он напоминал почку. Почка на трёх ножках.

Я поразился количеству хлама, скопившемуся на столь малой площади. Стаканы, авторучки, кипы бумаги, лампа на ножке, похожей на гофрированную кишку… о, боже, к…кальян? какого хера? Где я вообще?

Хоботок кальяна был аккуратно свёрнут, как у бабочки. Орнаменты бежали по латунному корпусу.

Я кинул ночную повязку на прикроватную тумбу. Лучше б я этого не делал.

Рука коснулась чего-то холодного и липкого. Я представил, что она резиновая и на расстоянии многих километров от меня, но тщётно. Когда я клал повязку, я наткнулся рукой прямо на использованный гондон. Стоп. На три использованные резинки. С отвращением я уставился на белую слизь, сочившуюся из прозрачного латекса. С утра, отлично.

Я перегнулся через край кровати, ощущая, как она провисает. В моей реальности прошло минуты три, а теперь господа, Войд (так меня вроде зовут) покажет вам свой лучший номер, поаплодируем же ему…

Склизкий презик

Мой желудок и его содержимое явно просились на прогулку. Что я, злодей, держать их в таком нехорошем месте?

Меня вывернуло наизнанку, спазмом сжимая мои бедные кишки.

Вот же дерьмо…

Проблевало меня какой-то гадостью бледно-зелёного, как листики салата, цвета. Но я знал, что это был отнюдь не салат. И воняло это омерзительно.

Итак, господа, он это сделал!

Комната была, наверное, метра четыре на четыре. Помимо остального, там был метровый холодильник, облепленный этими дурацкими магнитными штучками, шкаф из светлого ДСП, на одной потрескавшейся дверце которого красовался постер какой-то грудастой бабы, смутно мне знакомой….к другой дверце был присобачен держатель для дисков и микрософтов. Все больнично-серые стены были щедро обклеены постерами и вырезками. На некоторых были мужики, на других – весьма аппетитные тётки. В потолке горела одинокая пыльная лампочка без абажура, зато энергосберегающая.

Спасибо тебе, РАОЭС, бог лампочек.

Какого хрена она горела, если на улице было относительно светло?

Во рту оставался гадкий вонючий кислый привкус блевотни.

Зелёная рвота

на розовом пушистом ковре.

Всё – суета.

Пять, семь, пять? Нет, гармония нарушена…

Я схватился за голову. Она болела, нет, она гудела, как сломанный трансформатор, гудела, причём гудение забиралось даже в челюсти. Я посмотрел на потолок

Надо мной мерно пульсировали большие рубиновые цифры часов-проектора. Это очень удобно – только открыл глаза (если заснул в постели, а не где-то ещё), а текущее время, плюс почта, погода и тому подобное выведено на белый потолок, куда ты собственно и смотришь.

Цифры мигали. Нет, пульсировали.

Этот ритм совпадал с буханьем крови в моей голове.

Вчера я заснул в постели.

Похоже, не один.

Гудение. Тишина. Цифры.

12:34.

Соня *я*, вот кто.

Моё восприятие странно изменилось. Казалось, что я всё еще спал, но в то же время бодрствовал.

Я одновременно знал и *не знал* кто *я*. И почему я здесь.

Изображение, изображение захламленной квартиры было противоестественно чётким, гипертрофированным. Словно разрешение вдруг взяло и выросло раза в три. Я видел каждый блик на бутылке, каждую иголку на кактусе, каждый комочек пыли под закрытой дверью.

Видел детали.

Но не мог объединить их в целое.

На двери висел атлас мира. У него были мягкие, загнутые и помятые уголки.

Около холодильника стояло кресло.

Красные цифры стали вроде бы ещё ярче. Они манили меня. Кровь и свет стучали в моих ушах.

Не простое кресло.

Колёсики утопали в лохматом розовом ковре.

Мне надо туда – к креслу.

Я попытался встать, но это оказалось не так легко, как я думал. Ноги дрожали, эти белые пергаментные палки еле выдерживали мой вес. Я опёрся на кровать и встал. Двигался на автомате. Ритуальный утренний танец, голые ступни боязливо поджимаются, стараясь избежать острых предметов, которые как будто специально раскиданы ровным слоем по полу – куски пластика неясного назначения, синие всполохи бэ-эр дисков, стаканы, разлившие своё ядовитое содержимое. Оно разъедает ковролин. Коррозия.

Скретчи по радио.

Гул в моей пустой голове. В ней как будто проворачивался допотопный диск. Приливает кровь.

Бисеренки пота проступают на лбу. Вот же, блин…

Двигался я как сквозь вязкий прозрачный мазут, хотя казалось – всего каких-то жалких три метра до этого долбанного кресла… на полу я замечаю трусы.

Синие.

Вроде мужские.

Но *мои* ли?

По спине пробежал льдистый холодок… нет, я ничего не знаю. Мне нравился этот туман, обволакивающий сознание. Мне нравилось не думать по существу.

Да-да, не простое кресло – оно скорее напоминало странный гибрид электрического стула и такого специального, *стоматологического* кресла, с захватами для рук, ног, головы. Захваты блестели хромом. Синяя пористая тряпочка, накинутая поверх кресла сползла, а ножки и металлические детали переливались на свету… на обоих подлокотниках было по монитору, прикреплённому на вращающемся кронштейне.

Я не видел, были они включены или нет.

В подушке, у головного захвата, была дыра. Из неё на тряпку свешивалось множество проводов, соединённых в один.

Красные, жёлтые, белые, синие…

На конце этого большого провода был разъём.

Глядя на него, я подумал, что он похож на змеиную голову.

На скалящуюся змеиную голову.

Она словно смеялась.

Красное. Синее.

Провод бежал дальше в небольшую чёрную коробочку, на боку которой мигал зелёным светодиод, а из неё он выходил тоже черным и дальше вгрызался в общую розетку. Туда же была воткнута вилка холодильника.

Из-под тряпки виднелся кусочек грязно-белой обивки кресла. Почему-то глядя на него, мне вновь захотелось блевануть.

Но я не пошёл к креслу. Почему-то. Я пошёл к холодильнику, не раздумывая, как эти долбанные зомби из фильмов и игр.

Как приятно, когда тобой руководит кто-то другой.

Как приятно, когда ты не несёшь ответственности.

Как приятно, когда приказы и мысли поступают извне.

Я подошёл к холодильнику. Дрожь в ногах вроде бы прошла.

К магнитной прищёпке, изображавшей миленькую пятнистую корову, прицеплена записка.

«там – то, что тебе нужно. Возьми и съёшь. V»

Дисплей на дверце, кстати, был разбит вдребезги. Грустные кусочки оргстекла торчали как старческие зубы из его глубин.

Интересно, кто такой V? Или это победа?

Тебе просто говорят – делай, и ты делаешь. И никаких мечтаний. Никаких ненужных рассуждений и угрызений совести.

Мой желудок не очень лестно отозвался о перспективе поесть. Но я знал, что открыть холодильник нужно…

Мне и не нужно было представлять, что моя рука бесконечно-резиновая и на расстоянии многих километров от меня. Это так и было.

Самое хорошее в зомбировании заключается в том, что ты совершенно спокоен. Тебе не о чём волноваться. Это у кого-то другого болит голова, вздувшаяся от принятых решений.

Твоё дело – выполнять.

И не забивать свою голову всяким хламом.

Думать – вредно.

Вот я и не думал тогда. Я был чьей-то марионеткой, куклой на верёвочках, не лишённой, правда, кое-какого самосознания.

Так что, открывая холодильник, я и не думал находить там чьё-нибудь замороженное сердце или язык или, например, отрезанный хуй в банке.

Я даже не боялся.

Мой большой палец ложится на углубление в ручке фриджа. Я и не думал, что он не разрешит мне доступ.

Отпечаток совпал.

Я буквально *слышал* под кожей блестящий металл ручки.

Мимоходом заметил, что вся моя длинная-длинная рука

покрыта большими, злыми и красными порезами.

Будто кто-то пытался вырезать некий садистский орнамент на моей коже. Но мне было, в общем-то, всё равно.

Мне надо было поесть.

Я дёрнул ручку.

Я дёрнул ручку.

Я дёрнул ручку.

Алиса была умной девочкой. Поэтому, когда она нашла пузырёк с надписью «выпей меня!», она была осторожной. Ведь известно, что, если разом осушить пузырёк с пометкой «Яд!», рано или поздно почувствуешь недомогание. Она осмотрела пузырёк и ничего предосудительного не нашла. И выпила. Вообщем, ничего страшного с ней не случилось…

Я был по сравнению с ней сущим придурком.

Галогеновая лампочка щедро осветила покрытые инеем стенки фриджа.

Синим таким цветом осветила…

Холодильник дохнул на меня могильно-холодным воздухом.

Язык.

Человеческая голова.

Отрезанный хуй.

Нет, ничего такого там не было.

На полке стояла пустая бутылка из-под кетчупа, покрытая изнутри ссхошейся багровой коркой, в углу валялся лимон и полулитровая банка «колы».

Да, и

Пистолет.

Я часто заморгал. Стоял я почти что в позе рака перед открытым холодильником и смотрел на большой, чёрный и внушительный пистолет. Он буквально лоснился и сиял.

Сопротивляться этому чёрному свету было невозможно.

Я взял его и осторожно извлёк из холодильника. Захлопнул дверцу.

Пистолет был тяжёлым, как я и ожидал. Он был холодным, и я наблюдал, как тает призрачное тепло моих пальцев на тёмной поверхности его рукоятки.

Странно, я не задавался вопросом, откуда он там взялся.

Просто стоял и восхищался (как зомби) его красотой.

Человечество не придумало ничего совершеннее и прекраснее орудий убийств.

Сикстинская Мадонна блёкнет перед смертельно-утончёнными формами крылатых ракет.

Парфенон и пирамиды склоняются, не в силах выдержать состязание с превосходством и гениальностью химического танца

израильских лазерных установок.

И все статуи рук древних мастеров не годятся и в подмётки этому взвешенному, хищному произведению искусства, которое я держал в руке…

Статуи нам недоступны. Пейзажи Шишкина, полотна Врубеля, Екатерининский дворец. А пистолет – вот он, пожалуйста, владейте, наслаждайтесь…

И тут я полностью потерял контроль. Точнее, контроль над моим телом взял кто-то другой.

Вместо мыслей у меня в голове – лишь серые статические помехи. Плохой канал.

Я взял пистолет и аккуратно вставил его себе в рот.

Зубы клацнули о металл.

Говорят, такие ощущения описывали люди, испытавшие клиническую смерть. Что ты вылетаешь из тела и смотришь на себя со стороны.

Кажется, я испытывал нечто похожее.

Я стоял с пистолетом во рту, но не мог заставить себя его вынуть и бросить.

Самое интересное, что мне не очень-то и хотелось. Правда, внутренний голос что-то там пытался вякать, и я, в принципе, сторонний наблюдатель, даже попытался приказать своим рукам. Но все мысленные, нервные импульсы растаяли, не выполнив своей миссии.

Мой палец, безо всякого действия с моей стороны, лёг на курок.

Я знал, к чему это приведёт

К дыре в затылке.

К расплёсканным мозгам и кровавой слизи.

Возможно, к обратной перистальтике.

Но меня это не очень и беспокоило: дело зомби – подчиняться своему хозяину. Безропотно.

Тем не менее, осязание у меня присутствовало – курок был твёрдым и шершавым.

Давление на него усилилось. И я ничего не мог (и не хотел) делать.

Жизнь.

Или

Смерть.

Не имеет для тебя значения, если ты не задумываешься над этими понятиями…

Возможно, так живут животные. Не ведая страха.

Я собирался выстрелить.

Наверное, со стороны, это смотрелось как некий

извращённый минет.

Минет с пистолетом. В главной роли.

Может, нужно было стрелять в глаз…

Момент, когда я нажал на курок, не отличался от предыдущего ровно ничем. Я просто сильнее надавил.

Я собирался вышибить свои мозги на этот розовый ковролин и зелёную блевотню.

Такова проза жизни.

И я ничего не мог с этим поделать.

Лишь безучастно наблюдал, как курок идёт вниз.

И не то, что бы я *хотел* что-то с этим делать.

В момент, когда курок дошёл до упора (в моей реальности прошло минут пять, на самом деле – одна), я узрел каждый грёбанный воксель этой долбанной реальности.

Но они как всегда, не смогли соединиться в одно целое…

Это было последнее, что я подумал.

Выстрела я не услышал…..

Пробуждение второе.

Очнулся на полу. Вначале, я не мог сообразить, где я, но, увидев серый, безжизненный потолок, с которого, как гнилые водоросли, свисали лохмотья штукатурки и на котором светилась информация с лазерных часов-календаря, я понял, что я дома. Возможно, упал в обморок. Со мной такое бывает.

С кряхтеньем сел и обнаружил, что моя рука сжимает… пистолет. У меня перехватило дыхание. Я поднёс его к лицу и рассмотрел. На нём блестела слюна, что означало, что он был в чьём-то рту не больше двух минут назад.

Я прекрасно помнил этот пистолет. Я помнил, как я его покупал, вполне легально, в магазине «Кольчуга». Но вот что он делал в моей руке? И почему он в слюне?

Я провёл языком по зубам. Во рту стояло металлическое удушье. Слабый привкус стали на губах. Взвыв от боли, я встал на ноги и доковылял до холодильника. Прочёл записку.

«там – то, что тебе нужно. Возьми и съешь. V»

Ага, так-так.

Кажется, я начинал догадываться. Я аккуратно положил пистолет на пыльный холодильник и подошёл к кровати. Смятый пододеяльник, скомканная простыня. Презики на тумбе. Бутылки и фиолетовые пакетики. Блевотня…

Я потёр виски пальцами. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы всё вспомнить.

Это очень интересный парадокс – помнить, как ты почти ничего не помнил. Даже себя. Но мозг – это довольно неплохой компьютер, и записывает даже то, что мы не хотим, чтобы он

записал….

V – это void. Это моё имя…

Я опять это сделал.

Чуть не прикончил себя.

Запрограммировал себя это сделать. Даже записку написал.

Ну ты и шизанутое дерьмо…

Я присел на провисающий краешек кровати.

«Значит, вчера я получил деньги за клуб… пошёл к Скомату, там подцепил девку, кажется, Синди? Чернокожую…потом, потом мы пошли ко мне…нет, перед этим встретились с этим типом, Шкетом, он продал нам бету по дешёвке..надо будет с ним ещё раз законтачиться… потом мы пошли ко мне, выпили пива, текилы, а дальше….так, это посмакуем потом….да, конечно. Забыл принять „робол“. И не пошёл в Сеть….дурак…»

Я запустил руки в волосы… подумать только, я чуть не убил себя. Этот факт плохо доходил до моего сознания, всё ещё затянутого дымкой наркотического отходняка.

«Отлично. Моя судьба зависит от маленькой глянцевой капсулы».

Я вздохнул и повернулся к окну. Увидел кальян и усмехнулся, вспоминая как мы с Синди вчера его курили. В начале у нас ничего не получалось, руки не слушались из-за беты и пива, она всё время смеялась, сверкая большими белыми зубами, потому что я проливал воду на себя и не мог залить её в кальян… я тоже ржал, но под конец мне это удалось… а потом, зарывшись в её грудь лицом, делал затяжки и пускал дым прямо в ложбинку между её сисек. Она хихикала и её грудь колыхалась подо мной. Ощущение такое, будто лежишь на водяном матрасе с подогревом, который при этом приятно пахнет женщиной и восточными благовониями… вот это кайф…

За окном была ранняя весна, весна приносящая грязь, тревогу, вонь… Она разукрашивает небо в серо-синее днём и в жёлто-серое на закате, а вредные испарения – в ядовито-зелёный, токсично-розовый и апокалиптически-оранжевый цвета. Из моего окна виднелся лишь кусочек свицового неба, да и тот был сморщен и скомкан облаками, как моя старая плащёвка. Весна, приносящая грусть.

А не радость.

Депрессию.

А не любовь.

Вот моё окно, например – многое ли из него можно увидеть? Можно увидеть другие дома, зиккураты из стали и стекла. Можно увидеть проспект, проложенный между ними, вместо бывшей здесь когда-то, как говорят, детской площадки. Сейчас это, и днём

и ночью – бесконечный поток огней, несущихся через время и пространство. Иногда такой неземной огонёк нарушает свою траекторию и погибает искорёженной кучей металла, последним судорожным взбрызгом крови на грязный снег.

Мне не жаль их.

А около моего окна проходит трасса подвесного магнитного метрополитена города Москвы. Каждый раз, когда проезжает поезд, моя квартирка вибрирует, вибрирует так, что однажды за обедом я чуть не проткнул себе вилкой горло… когда проходит состав, я подхожу к окну и смотрю в жёлто-освещённые окошки вагона, а они проносятся мимо меня, эта череда жёлтых квадратиков на серебристом фоне. Я смотрю в них, надеясь хоть мельком увидеть лица людей, едущих там.

Всё, чего я добился – это осознание того факта, что лица у них одинаковые…

Я и сам иногда пользуюсь метро.

И всё равно, приятно смотреть на эти золотые, вырезанные в ночи, картинки. Как будто греет тебя что-то… они проносятся и… исчезают. Такое вот мимолётное счастье.

Я смотрел в окно. Шёл мокрый снег, и на улице пешеходы раскрыли грибы зонтов. Велосипедисты, обятнутые мокрыми, блестящими от дождя плащёвками, ловко шныряли между ними. Стрелы дождя срывались с неба, и согласно перспективе, устремлялись вниз. В соседних домах зажгли свет и зиккураты обратились в наряженные елки. Что меня порадовало, это то, что с дождём свернули все рекламные голограммы – они реально достали, забивая небо совершенной бессмыслицей. Капли, как сотни трещин, покрыли стекло окна, размывая изображение. Я отвернулся. Ничего нового я там не увидел. И не увижу… старые, старые Новые Черёмушки…

Мой сосед врубил музыку. Слушал он синто-роботик техно и *сам* пытался его создавать. Как раз вторым он и занимался… черт бы его побрал.

Я ещё раз окинул взгядом свою лачугу и, подобрав с пола свои трусы, направился в туалет.

Обычно, моё утро начинается с промывки носовых фильтров. Перед тем как посрать, умыться, почистить зубы, я промываю носовые фильтры. Без них в Москве никуда…хотя нет, вру. Одно место есть – кладбище.

Я ввалился в ванную. Ванная у меня из белого кафеля и с хромированной сантехникой. В подвесном потолке – синие газоразрядные лампы. Две из трёх мигают, что создает странный и не совсем приятный стробоскопический эффект.

Ванная как будто дышит холодом. И смертью.

Моя ванная напоминает заброшенный морг.

Всё заливает этот пронзительный синий свет, а в промежутки между миганиями, мир на доли секунды погружается в темноту. Лампы гудят…

Я подошёл к раковине, посмотрел в слив – это тоже один из моих предрассудков: мне всё время казалось, что оттуда что-то вылезет и схватит меня за яйца. Конечно, в сливе ничего не было, да и не могло быть. Только тонкий ободок известковых отложений, уже начавших желтеть.

Из зеркального шкафчика, висевшего над раковиной, я достал флакон с жидкостью для промывки фильтров.

К гудению ламп примешивались жуткие скрипы начинающего ди-джея-соседа.

На флакончике было написано – «Фильтро-Тек. Лучшая формула для ваших фильтров!»

Я усмехнулся. «Фильтро-Тек» был дерьмом и пользовался я им исключительно по причине его относительно низкой цены. Нам всегда рады наврать. может, из-за того, что мы это позволяем?

Я задрал нос, при этом смотря в зеркало, увидел привычный металлический проблеск фильтров в ноздрях.

Вынимать их достаточно легко. Я надавил на ноздри с обеих сторон, подставил руку, как раз вовремя, чтобы поймать вылетевшие фильтры.

Они похожи на два кусочка очень тоненькой стальной сетки с одной стороны, а с другой – на пористую резину. На самом деле, это не резина, а углеродные нано-трубочки. Абсорбируют всю ту дрянь, которую мы вдыхаем.

Я положил фильтры в маленький пластиковый поддончик и залил их этой жидкостью.

«Фильтро-Тек успешно справляется с метаноловыми, изопропаноловыми и бензольными отложениями. Также он удаляет пылевые и известковые загрязнения, нейтрализует свободные радикалы, белковые и химические закупоривания. Положите фильтры в поддон, залейте „Фильтро-Теком“ и оставьте на две-три минуты».

Когда ты в ванной, можно не думать, что ты только что чуть не убил себя.

«нейтрализует свободные радикалы».

Можно сказать, этим я и занимался.

Я улыбнулся зеркалу. Зубы у меня были жёлтые, зато три протеза сверкали в синем свете хирургической чистотой.

Я не очень любил смотреть на себя. Я не из тех людей, на которых в толпе заглядываются. Скорее, от которых шарахаются.

Сосед терзал вертушки, а моё лицо мерцало в зеркале.

Раз-два, раз-два…

Из плохо закрученного крана капала вода.

Кап. Кап. Кап-кап-кап.

Может, подумал я, стоило позвонить Лене?

Волосы у меня были не очень короткие, синие. Такого яркого, синего цвета и торчали во все стороны. Я уже и не помнил, когда я их покрасил.

Лицо у меня было осунувшееся, помятое после вчерашнего, на подбородке уже пробивалась щетина. Я потрогал её пальцами. Ничего, жить можно.

Моё дыхание растекалось по зеркалу.

Вместо глаз у меня – два чёрных провала. Нет, я не был слепым. Я просто хотел видеть лучше.

Я помню, в клинике меня спросили: «типа, парень, зачем тебе эта операция? Мы можем сделать простую коррекцию зрения, нормально будешь видеть. Или ты киллером собираешься стать?»

Врач, этот огромный детина, с квадратным подбородком и узко посаженными глазами, расхохотался. Видимо, думал, что шутка у него смешная получилась. Когда он говорил, он плевался.

Нет, сказал я. Я художник. Понимаете, *художник* . Сетевой художник. Мне нужно супер-зрение. Мне нужно, чтобы информация выводилась мне прямо на сетчатку. На нерв. Вообщем, куда там надо.

Я сказал: мне просто необходимо хорошо видеть. Видеть *детали*.

Врачи хмыкнули. Они сделали то, о чём я просил.

Так что я очень хорошо вижу. За это пришлось пожертвовать зелёной радужкой, зрачком, белками.

Говорят, что глаза это зеркало души.

У меня в глазницах две чёрные глянцевые выпуклости. Плюс ко всему, огромные синяки.

Не видно ни белка,ни радужки, ни зрачка. Только чернота. Она даже поглощает почти весь свет, что падает на мои глаза. На мои бывшие глаза, поскольку их в прямом смысле уже не существует – это не линзы. Это полная перестройка зрительного аппарата.

Значит ли это, что у меня нет души?

Выглядит это со стороны так, будто мне в глазницы налили чернил. Тьма. Прибавьте к этому никель-хромовые клыки, синие волосы, и тогда можно понять, почему народ от меня шарахается и боится смотреть мне в глаза.

Зубы мне выбили. В драке. Пришлось менять.

Я ещё раз погядел в зеркало.

Ну и что ж. Зато я по крайней мере, оправдываю своё имя.

Пустота.

Изо рта воняло, поэтому я решил почистить зубы. Щётка была вымазана засохшей пастой. В мигающем свете, движения кажутся резкими и преувеличенно-чёткими. За каждым предметом и движением тянулся шлейф его прошлого.

Я нацепил трусы, и, вынув фильтры из раствора, вставил их в нос. Услышал, как хрупнул хрящ, сигнализируя, что поставил я их правильно.

Кап. Кап. Кап-кап-кап.

Fuck. Fuck. Fuck-fuck-up.

Возможно, у меня нет души.

Слух резанул особенно убойный запил, который произвёл мой сосед.

Я вышел из ванной и направился к столу. На улице всё ещё шёл дождь.

Кап.

Fuck.

Выли сирены.

На столе лежали бумаги, на них много скетчей, набросанных моей рукой в то время, когда моё сознание плескалось в бетафениламиновом море. Девушки, монстры. Резкие, нервные линии…

У девушек было неизменное грустное худое лицо, а на лбу – маленькая точка.

У монстров были большие когти и чёрные глаза.

Сублимированная хрень, подумал я, с неожиданной злостью откидывая наброски в сторону. Они взлетели, как птицы. Да, больные пситтакозом птицы. Под бумагой и мусором лежал терминал-1. К нему был приткнут терминал-2. Я вытащил его из гнезда и замер.

Ну и кому я собирался звонить?

И по какому поводу?

Экран терминала-2 был чёрен и пуст.

Я облизнул потрескавшиеся губы, кинул взгляд на пистолет, лежавший на холодильнике. Надо было кому-то рассказть, да…

Включив терминал-2, я почти выкрикнул – «Лена, Киев!»

«пожалуйста, подождите, идёт соединение».

Жду, подумал я.

Экран заполыхал и тут появилось лицо Лены. Она была в какой-то комнате, где стены были завешены цветастыми коврами. Она осунулась ещё больше с того момента, когда я видел её в последний раз, под глазами появились мешки. На лбу у неё была неизменная красная точка. Ленка улыбнулась, правда, довольно

слабо.

– Димка? Войд? Ты где? – её голос скрежетал из динамика. Всё-таки в Киеве была плохая сеть.

– В Москве, где ж ещё… ты как, сеструха? – разговаривая с ней, я не мог не улыбаться.

Лена сморщила нос от удовольствия и вытянула шею, как будто что-то рассматривая за моей спиной.

– Ааа, кактус-то жив. Я думала, ты его в первые же дни загубишь. – выглядела она довольной.

– Ну да, конечно. Можешь представить, я за ним ухаживал…

– Да, двадцать раз. Ты за собой-то не можешь уследить, а тут кактус… у тя рожа как кактус, вот что…– сказала Ленка и хихикнула.

– Лен, короче… ты как там? Эти твои, кришнаиты, тебя не обижают?

– Войд, о господи, сколько раз тебе говорила – никто меня не обижает, и перестань строить из себя заботливого брата. Ни к чему это… ты ведь по делу звонишь, так? Что-то случилось, у тебя это на лице написано. – сказала она, озабоченно всматриваясь в моё лицо. Вот же стервочка, ничего от неё не скроешь. А ведь плакса жуткая…

– Ленусь, вообщем так… у твоих этих, хари-кришна-хари-рама ничего посильнее «робола» не найдётся?

Её брови сдвинулись у переносицы. Она сложила руки на груди.

– Так, братишка, в чём тут дело?

– Мне нужно что-то, что действует лучше «робола».

– Заткнись. У тебя губы дрожат. – несмотря на то, что она была моей младшей сестрой, хрупкой, нежной девочкой, иногда она могла вести себя, как моя мать. – ты попал в переплёт, так? А ну, смотри на меня…о господи, видеть не могу твои мерзкие гляделки. Войд, что чёрт возьми, случилось?

На заднем фоне промелькнула какая-то фигура. Ленка обернулась и прокричала что-то на украинском. Повернулась опять ко мне.

– Так скажи.

Я не хотел, видит Бог, не хотел. Но должен был. Я чуть не разрыдался, а в горле засел комок. Я совсем разваливался.

– Лен, я сегодня утром чуть себя не убил.

В ответ – молчание и каменное лицо.

– Лен…я забыл принять «робол»… – пробормотал я, наблюдая, как у неё начинает пухнуть и краснеть нос и слезиться глаза. Блядь, ну почему я должен ещё и виноватым себя чувствовать! Разве я этого хотел? Почему она вечно заставляет

меня чувствовать вину за те проступки, которые я и не совершал?!

– Я знала, что этим всё и кончится. – сказала она. – ты просто урод…

«Ну да, конечно… вот же сука, всё на меня перекладывает, заебала уже. Я не виноват!»

– Да, знала, ну и что? Ты как будто не знаешь побочных эффектов этого чёртова стимулятора? Ну давай, скажи что не знаешь! – злость, как кислота, начала бурлить у меня в кишках. Я тут себе чуть башку не разнёс, а она мне нотации читает, просто отлично!

– Я не собираюсь это обсуждать. – ответила она, поправляя волосы. Мои пальцы сжали терминал.

– Он меня разрушает, ты не понимаешь? Сколько я уже его принимаю – два года. Ещё два я выдержу, а потом что? Буду пускать слюни в приюте для слабоумных, да?

– Войд, послушай…

– Нет, это ТЫ, МАТЬ ТВОЮ, ПОСЛУШАЙ! Я не хочу, чтобы какая-то повёрнутая сектантка указывала мне, понятно? Так вот, я не могу не принимать «робол», иначе я убью себя. Но я и не могу продолжать его принимать, иначе моя психика рассыпется на кусочки. Я уже начинаю забывать всякие мелочи. Год, два – может я и продержусь… а потом? Что потом?

– Если бы ты не мешал его с наркотиками и бухлом, то может ничего бы… – попыталась возразить она. Эх, моя маленькая сестрёнка…

– Лен. Ты знаешь, в какой я ситуации. Почему ты не хочешь мне помочь, а?

Она опустила голову.

– Я не могу с тобой нянчиться, Дима…

– НЕ СМЕЙ МЕНЯ ТАК НАЗЫВАТЬ!!!!

– Хорошо, Войд. Ты ведь старше меня. Почему ты не можешь оставить меня в покое? Почему ты вечно как волдырь на моей ноге?! Ты сковываешь меня, я не могу так больше… каждый вечер думать как там ты, ожидать звонка ночью, что ты себя убил… я не могу больше это выносить, понимаешь… – слеза заскользила по её щеке. – я хочу жить своей жизнью, у меня появился парень, тут, в секте, я его люблю, он меня тоже, он очень хороший человек… может, мы поженимся

– А я всего лишь лишний груз на твоей душе, так? – опять, эта пустота внутри меня колыхнулась. Мой голос стал бесцветным. – поздравляю…

– Войд, пойми – я тебя очень люблю, но… ты ведь сам чувствуешь, мы стали чужими друг другу. Здесь, в разных городах. Когда я сейчас услышала, что ты сегодня чуть не убил

себя, я рассердилась, да. Потому что я знаю, что если это случится, я буду чувствовать себя виноватой. Что не приехала. Не помогла. Войд, Дим… я не хочу этой ответственности. У моих друзей нет ничего, кроме «робола», честно… если тебе он понадобится, звони, я пришлю. Только…я тебя прошу…

– Что, Лен?

– Уйди из моей жизни. По-тихому. Пожалуйста. Вспомни родителей. Ты был мне как отец, но в последний год *я* стала тебе матерью. А мне ведь только семнадцать. Пожалуйста. Не мучай меня больше. – тут она разрыдалась в голос. – ты же знаешь, я не перенесу этого…просто оставь меня в покое…

Я стоял, совершенно неподвижный и холодный. В сердце как будто оборвалась струна. Как ни странно, мне стало легче.

– Хорошо, Лен. Прощай. Удачи тебе… – я в последний раз посмотрел на неё, плачущую. Я увидел, как сзади к ней подошёл молодой человек восточной наружности, тоже в какой-то цветастой тоге. Он обнял её, а она зарылась в него лицом. Растрёпанные волосы. Я почему-то впомнил, как мы носились на велосипедах по городу, её волосы, пахнувшие абрикосом, развевались от ветра, а когда она падала и плакала, я утешал её и целовал в разбитые коленки… как давно это было. А теперь у неё новый защитник, и действительно, я уже выпадаю из картины её мира. Лучше мне самому уйти… Парень злобно на меня посмотрел, будто собираясь через экран прожечь во мне дыры.

– Пока, сеструха. – сказал я улыбнувшись. «вот же эгоистка». И увидел, как сквозь слёзы она тоже улыбнулась, обнажая при этом идеально ровные зубы.

– Пока….Войд. – прошептала она. У неё были голубые глаза. Ну и что ж?

Я отключил терминал-2. Кинул его на кровать.

Мне нужно было куда-то пойти. Что-то выпить. Я открыл шкаф и, порывшись в куче грязного шмотья, выудил оттуда более-менее чистые носки, серую майку и джинсы, по колено заляпанные грязью. Всё это одел.

Мне нужно отсюда уйти…

Мне здесь трудно дышать…

Кап. Кап. Кап-кап-кап.

Fuck. Fuck. Fuck-fuck-up.

Ну и хуйня сегодня творилась…

Подошёл к столу, немного разгрёб мусор и нашёл ключ от подсобки в баре «Багровая Луна» – вчера я там оставил, с разрешения Скомата, свой инструментарий. Он разрешил, потому что видел, что и Синди с меня хватит, что уж говорить о двух тяжёлых сумках.

Прихватил с кровати терминал-2, и уже совсем собравшись в прихожую, остановился. Мой взгляд скользнул по пистолету. Я подошёл к холодильнику, посмотрел на пушку, а потом взял и сунул её за пояс. Мало ли что.

Прошлёпав в прихожую, я натянул кроссовки, одел пальто, при этом обнаружив во внутреннем крамане несколько сотен рублей и мелочь – всё, что осталось от вчерашнего гонорара. В зеркале отражался молодой парень в грязном чёрном пальто и жутко потрёпанный. Я ухмыльнулся своему отражению, потоптался на коврике и вышел, захлопнув дверь. Услышал, как система безопасности мягким голосом сообщила о включении охранного режима.

Я уже совсем собрался прошествовать к лифтовой площадке, как услышал очередной невыносимый пассаж из-за соседской двери.

На ней баллончиком было аккуратно выведено «Хуйло». Да уж, точно.

Я уже давно не ощущал такую злость, как ощутил тогда, стоя пред дверью моего соседа. Она накрыла меня, как огромная тёмная волна совершенно животной ярости. Я со всей силы нажал на звонок.

Через секунд двадцать непрерывного писка, стальная дверь открылась и я узрел заросший щетиной, пухлый лик своего соседа. Глаза у него были красные, а вид – ничего не понимающий.

Выхватил я пистолет быстро – благодаря нейроускорителям.

Толстое, тупое рыло пистолета упёрлось прямо в лоб парню. Его губы задрожали, глаза округлились, а по щеке, прямо на ствол, побежала струйка пота.

– А..а..аааа… – промямлил он.

– Внимание, обнаружено огнестрельное оружие. Внимание, обнаружено огнестрельное оружие… – бесстрастно заявила его «охранка».

– Ты, парень, меня уже достал. Своей музыкой. Я нервный. Понимаешь, н-е-р-в-н-ы-й. Я хочу тишины, покоя, понимаешь? А этот роботик меня с ума сводит. – сказал я и улыбнулся. Судя по выражению лица парня, улыбка была не из приятных. Его передёрнуло.

Я опустил глаза и увидел, что по его зелёным треникам расплывается большое мокрое пятно. Вот так сюрприз, подумал я.

– Парень, тебя как зовут? – спросил я уже мягче, но не отрывая пистолета от его лба. Чувака начало уже просто трясти, его прозрачно-белесые глаза норовили закатится под лоб, а зрачки свелись к крохотной точке и сфокусировались на дуле

пистолета. По его широкому красному лицу струился пот, а каштановые кудряшки налипли на потные виски.

– М-м. М-Миша. – пролепетал он. Парню было лет двадцать.

– Миша. Прекрасно. Так вот, Миша, Михаил…нет, смотри на меня, ты кажется, хочешь стать эм-си, нет? Ну, отвечай, а то я могу разозлиться и бум! – убить тебя.

– Д-да. Да.

– Ну, прекрасно. Тебе нужен кто-то, кто научил бы тебя этому делу. У тебя ужасно получается, если честно. Просто полное говно. Эй, ты слышишь? – кажется, парень был готов хлопнуться в обморок.

– Да…

– Так вот, я – тот, кто тебе нужен. Я ди-джей и могу тебе показать основные азы, если ты конечно, хочешь. Причём бесплатно.

– Правда? – спросил он, немного оживляясь и выходя из ступора.

– Да. – усмехнулся я, убирая пушку от его лица. – я готов на всё, лишь бы не слышать тот беспредел, который ты творишь. Я могу зайти к тебе завтра утром, окей?

Судя по глазам, парень посчитал меня полным психом. Он попятился обратно в квартиру, бормоча: «да, конечно, супер, приходи, конечно», пока не скрылся за дверью и не захлопнул её. Я немного подержал пистолет и убрал его. В уголке глаза пульсировали цифры: 12:53

Определённо, со мной творилось что-то не то.

Я зашёл в лифт. За мной зашипели закрывающиеся двери. Уже спускаясь, я вспомнил про непрочитанное письмо в моём ящике. А, ну и хрен с ним, подумал я.

Выходя из дома, я чувствовал острый запах горящих мостов за моей спиной…

Реальность.

Реальность такова, что когда ты в дождь идёшь по тротуару, обязательно рядом проедет машина и обдаст тебя грязной водой с головы до ног.

Реальность такова, что когда ты добираешься, наконец, до остановки подвесной магнитки, мокрый, дрожащий, и пытаешься пройти через турникет, у тебя кончается срок действия проездного, а у кассы стоит длиннющая очередь. А когда ты обновляешь проездной, он вдруг заклинивает и турникет лупит тебя прямо по ногам.

Реальность такова, что когда ты едешь уже в этом долбанном поезде и просто, никому не мешая, разглядываешь пейзаж Москвы, проносящийся мимо, к тебе подкатывет очередная

жертва неудачной нано-операции, и на виду у всего вагона начинает клянчить деньги, протягивая к тебе скрюченные пальцы и подставляя тебе на обозрение ужасное месиво лица, а ты стоишь и делаешь вид, что ничего не происходит, не даёшь деньги и ругаешь себя за то, что забыл дома наушники.

Реальность такова, что она полностью подчиняется законам Мерфи.

Всегда происходит худшее.

Я знаю.

– Станция Таганская-2. Уважаемые пассажиры, пожалуйста, не забывайте свои вещи. Помните, если вы что-то оставили, вы всегда можете обратится в нашу единую справочную службу по телефону 0-101-45….

Я вывалился из вагона, потирая ушибленное плечо. В магнитке, как всегда в это время, была жуткая давка. Когдя я ехал, какая-то девушка заявила своему спутнику, что у неё сейчас кишки изо рта вылезут. Почему-то, это показалось мне забавным.

В вагонах всегда очень много запахов, чаще неприятных. После поездок у меня всегда болела голова, и я ничего не мог с этим поделать.

А ещё в вагонах очень много инвалидов и цыган. Они всегда просят денег. Они воняют. Я боюсь подцепить от них какую-нибудь заразу. Я их… ненавижу.

Я пошёл от станции, проскочил через большой, сверкающий огнями и рекламой, торговый центр, выросший около неё, и свернул в переулок. Вообще-то, я не страдал топографическим кретинизмом, но с одной вещью у меня были проблемы – я не помнил, или чаще, не знал, названий улиц, проспектов и переулков, по которым я иду. Тоже мне, коренной москвич. Тем не менее, ориетировался я в городе достаточно хорошо, просто запоминая места по их приметам, а не названиям.

Переулок, по которому я шёл, был мне хорошо знаком.

Это одно из приятнейших мест в Москве. Здесь всегда очень тихо, вместо асфальта – настоящая булыжная мостовая. Здесь невысокие, желто-белые, отреставрированные в стиле нео-классицизма дома, в которых располагаются очень престижные бутики. Около каждого магазина стоит красивый чугунный фонарный столб, светящийся изнутри мягким теплом.

Особенно уютно здесь в дождь. Кажется, будто тут он идёт не так интенсивно, как в других местах, а лишь тихонько постукивает по мостовой. В тот день народа вообще не было, только около «Тиффани» был припаркован блестящий Ауди D3.

Здесь очень, очень тихо.

Стальные, гофрированные листы неба и туч давили на меня.

Как будто нарочно.

Я шёл по переулку, сгорбившись под ливнем. Капли дождя ритмично стукали по пальто.

В магазинах – огромные прозрачные витрины, обрамлённые античными фронтонами. Там вертятся большие, очень большие деньги.

На секунду, я остановился около «Нанопластической клиники доктора Сёдзи». В витрине сидели молодые девушки, белокурые, лощённые. У них были великолепные тела и совершенные лица, слово скопированные с лучших голливудских див, с той же Клер Патрикс или Лалы Мерроуз или с секс-символов НьюроНета. Девушки были живыми, но я их такими не воспринимал. Скорее, забавные секс-роботы, чем люди. Вот Синди, Синди была не столь совершенна, но она была живой. А у этих девушек улыбки были приклееными. Продукт стандартизации всего и вся. Я бы лёг в постель с такой девушкой только после полного обглюка, и то, наверное, всё время бы думал о невидимых механизмах, работающих под её атласной кожей.

Нет, я не ксенофоб. И даже не мегарасист. Я и сам достаточно сильно модифицирован, в том числе и по нано-методам. Но такое полное обезличивание отпугивает и меня.

Но иногда, от совершенной поп-красоты, люди ударяются в другую крайность – становятся нелюдями. Сращивают себя с животными тканями и превращаются в жуткие гибриды – в звероморфов.

Одна из девушек улыбнулась мне всеми тридцатью жемчужинами и поманила меня пальчиком. Заинтересовавшись, я подошёл поближе, практически прильнув к бронированному стеклу витрины.

Нет, спать с такой девушкой – тоже самое что, пользоваться техникой «Сони-Сименс».

Что есть колбасу «Микоян инкорпорейтед».

Что пользоваться «Фильтро-Теком».

Что быть подключённым «Вест-Иеропиен ГлаксоТел».

Что смотреть фильмы «Юнивершел Студиос».

Безопасно. Стандартно. Унифицировано.

Стопроцентно удобоваримо.

Никаких новых ощущений.

Полная попса.

Её подруги хихикнули, когда она прильнула к стеклу как раз напротив меня. Я увидел, как сзади появился одетый в что-то средее между кимоно и униформой охранник. За поясом вместо самурайского меча торчала электродубинка. Он хмуро посмотрел на меня и положил руку на рукоять дубинки. Что-то сказал

девушкам. Они засмеялись, а та, что стояла на коленях передо мной, повернулась к охраннику и что-то ему сказала, после чего он удалился. Девушка опять обратилась ко мне.

Я не мог вспомнить её лицо и потом. Слишком оно было… стандартным, правильным, что-ли.

Только глаза… глаза были кристально-серыми, без тени осознанной мысли.

Я не слышал, что она сказала, но прочёл по губам.

«я тебе не по карману, красавчик».

Потом она прильнула губами к стеклу, словно намереваясь поцеловать меня. Её пухлые розовые губы блестели от толстого слоя губной помады. В уголках между губ, блеск даже не расклеился. Её рот приоткрылся, а правой рукой она откинула лямку легкой туники, обнажая одну грудь. Она схватила себя за сосок (я заметил, какой идеальный у неё был маникюр), с силой сжала его и закатила глаза в экстазе. Её подруги уже открыто заливались.

Они все издевались надо мной.

В низу живота у меня что-то словно окаменело.

«хочешь меня, парнишка?» спросила она.

Я наклонил голову, словно оценивая её. Хотел ли я её? Я встал так, чтобы рукоятка писолета, торчавшая из-за пояса джинс, лучше наблюдалась.

Я жутко разозлился, эта тупая тёлка вывела меня из себя, учитывая, что я и так проснулся на… да, пожалуй на взводе.

– Хочу ли я тебя, детка? О да. Я бы тебя сначала трахнул так, что у тебя мозги из ушей бы засочились, а потом… потом прикончил бы тебя. – сказал я и улыбнулся, при этом думая, как смотрелось бы её прелестное личико, если бы по нему полоснуть скальпелем, наблюдая набухающие сферы крови в ране. Девушка аж отлетела от стекла, видимо всё увидев и услышав. Её глаза округлились от омерзения.

Я засмеялся, почувствовав, как уходит желание, повернулся, и пошёл прочь от клиники, правда, не забыв показать куклам средний палец.

Когда я шёл, дождь почти закончился, но небо всё ещё было затянуто тёмными тучами. Я шёл, глядя себе под ноги, уже не обращая внимания на другие витрины, шёл и думал, что возможно, в этой клинике оперируются или оперировались мои заказчики.

Мыски моих кроссовок были очень, очень грязными…

Всё ещё реальность.

Я вышел из переулка и свернул за угол, оказавшись при этом на каком-то сраном проспекте. Вдали возвышались скелеты

стройки. По сравинительно пустой и мокрой улице ветер гонял пустые пакеты.

Я гордо прошествовал мимо молчаливого вышибалы, торчавшего у входа в бар, сунув ему под нос флайер. С таким же успехом я мог сунуть ему под нос дерьмо, лишь бы там был фирменная голографическая наклейка «Багровой Луны».

В пол-второго в баре было пусто. За единственным занятым столиком сидел мужик, ужравшийся в полное говно. Точнее, он не сидел, а лежал, положив голову на стол, в то время как из его рта сочилась слюна, уже образовавшая приличную лужицу. За его потными космами я сначала не разглядел лицо, но, приметив неизменную деревянную трость у его стула, я мигом понял, кто это.

Скомат, как всегда, стоял за барной стойкой и со скучающим видом полировал шейкер. Никого из обслуги не было видно, так что я примостился на табурете прямо перед ним.

Стояла грустная, пустынная атмосфера. Стойка с бутылками не светилась, все огоньки и иллюминация были погашены, а единственным звуком, нарушавшим тишину, был гул холодильной камеры, доносившийся из кухни. Что и говорить, бар был ночным, и днём посетители редко сюда заявлялись, тем более, что помещение находилось под землёй и мало кому в такое время хотелось сюда лезть.

– Лёха и Ринат в нарды режутся в женском туалете. – заявил Скомат таким тоном, будто я сидел здесь часа три как минимум. «это он об официанте и втором бармене» подумал я.

– В женском? – спросил я.

– Угу, говорят там столик поставить можно.

– А здесь не судьба?

– У них пари без посторонних. – угрюмо ответил он, и тут же спросил. – ты зачем припёрся?

– Как зачем…

– А разве тебе Спайк не сказал, что у нас сегодня санитарный день и всё закрыто? – спросил Ском, удивлённо приподнимая бровь. Выглядело это комично.

– Ском, какой Спайк, какой санитарный день?

– Ды вышибала… Видишь ли, у нас сегодня уборка была. Генеральная. – Скомат стрельнул красными глазами по помещению.

Бар был двухуровневый – нижняя часть, с этой барной стойкой и большим танцполом, вокруг которого к стенам жались столики и диваны, а сама схема помещения была до смешного проста – прямоугольник, без всяких закутков и тому подобного. А на высоте метров пяти распологался своеобразный карниз

шириной метров шесть, к котрому от низа вели две лестницы. На карнизе стояли столики, мини-бар и там же было место ди-джея. Сама площадка, идущая по стене этого колодца, каким и являлся бар, была огорожена, чтобы посетители не падали вниз. Хотя… это всё равно случалось. Обычно народ стоял у этой ограды, попивая разные напитки и наблюдая танцпол сверху – причём сделано было так, что ширина площадки была равна ширине зоны для сидящих на нижнем уровне, так что если ты стоял сверху, и перегибаясь через ограду, смотрел вниз, то видел ты в основном только танцпол. Снизу площадку-карниз поддерживали мощные колонны. На потолке, ещё выше второго уровня, находилось световое и музыкальное оборудование. И всё это, как ни невероятно, находилось под землёй.

Все стены были изрисованны граффити, изображавшими то слова, то людей, то сцены из Камасутры, то бои между какими-то людьми и роботами. Это были гигантские рисунки, перемежавшиеся между собой, сплошным узором покрывавшие девитиметровые стены этого колодца. Особенно эффектно они смотрелись сквозь дым и мелькание светомузыки. Вообще, охарактеризовать интерьер «Багровой Луны» можно было одним словом – ретро-индастриал. Цепи, свисавшие сверху, столики и стулья, сделанные будто из ржавых обломков военных машин, общая рыже-металлическая цветовая гамма, брутальные сцены, нарисованные на стенах – всё это когда-то было модно в начале девяностых. Сейчас же, это смотрелось как отзвуки старины…

– Ну-ну. – ответил я.

– Что «ну-ну»? За барахлом своим пришёл? – спросил Ском, нагибаясь и скрываясь за стойкой. Его голос стал глуше. – так вот, хрен что получишь…

– Как это?

– Где твои глаза, парень? Афишу, что ли не видел? – он разогнулся и протянул мне флайер, очевидно нового образца, при этом вытирая руки о свои штаны. Шейкер он уже куда-то дел. Я пригляделся к флайеру. Там было написано – "сегодня выступает MC Void с новой программой «Delirium Dreams». Я поднял глаза на Скомата, не в силах поверить, что парень вот так запросто распорядился моим временем. Что называется, «без меня меня женили».

– Какого хера, Ском?

– Послушай, Войд, мой ди-джей, ну этот, ты его знаешь… – он защёлкал пальцами, пытаясь вспомнить. – ах да, Кул Эйд, он… скончался от передоза «брутусом». А у меня программа… вот, вспомнил, как ты вчера расписывал свои новые треки, решил, что поможешь. Я всё равно собирался позвонить…

Я вздохнул и пожал плечами, уставившись невидящим взглядом в живот бармену. Как мне всё это осточертело.

– Ну?

– Слышь, Ском, я похож на человека, который выдержит эту ночь? – спросил я.

Глаза Скомата полыхнули красным и он облокотился на стойку, цинично улыбаясь.

– Чё, Синди вчера наподдала тебе жару? – поинтересовался он, гадко облизывая пересохшие губы.

– Не совсем так… – начал я, но потом замолчал, разрешив себе насладиться воспоминаниями о прошлой ночи. До того момента, я держал их на замке.

Да, Синди, Синди была великолепна.

Как чёрный шёлк.

Она была негритянкой, и не то что бы я предпочитал чернокожих, просто в тот вечер,

вчера, а казалось, вечность назад, после моего неплохого выступления в «Арт-Лаундж», когда я на радостях пришёл к Скомату напиться и наширяться, этот добрый чел представил меня Синди.

Правда, к тому моменту в моём желудке помимо водки с ромом, плавали уже две таблетки «эйрбайта» («лёгкого» ЛСД), и я находился во вполне сладостной прострации, достаточной, чтобы лечь в постель хоть с уродливой звероморфшей.

Как я помню, я уже практически растёкся по стойке, чуть не сваливаясь с табурета и предался каким-то приятным грёзам, когда голос Скомата, голос бога, вернул меня из себя обратно на землю. Он сказал:

– Войд, познакомься с совершенно улётной девушкой…

Мои глаза были тяжелы, как свинцовые гири и я с трудом оторвал их от созерцания трещины, пересекавшей лакированную поверхность стойки. Я не помню, что я сказал, но девушка хихикнула. На ней была короткая красная куртка из кожезаменителя, узкие чёрные джинсы, впившееся в её зад и розовые гетры поверх белых кроссовок. Куртка обтягивала грудь Синди и ловила на себя все блики.

Потом, сквозь горящие заслонки фонарей, эта офигительная девушка потащила меня ко мне же домой. Воспоминания от поездки у меня остались самые смутные – «эйрбайт» только начал кусаться и мир вокруг превратился в цветную карусель, круговерть звуков и красок. Огни рекламы около метро совершенно непотребно растекались жирными каплями по полотну моего восприятия, как акварель одного цвета натекает на другой, звуки, звуки растягивались и сжимались, громыхая на

самом глазном дне и мучительно отзываясь в зубных коронках… Я помню, как судорожно цеплялся за её плечо, нащупывая спасительный кожзам.

Помнил, как мы встретились со Шкетом и я добавил к коктейлю ещё пару капсул бетафениламина. Для равновесия.

Следующая картинка – я лежу в своей постели, немного пришедший в себя, как раз для того, чтобы накатила вторая волна.

Синди успела стащить с меня джинсы, трусы и майку, и разглядывала меня, маленького и беспомощного, с высоты своего роста. В моём сознании случился проблеск и ртутное море наркотика, уже начинавшее розоветь, отступило перед Синди, как настоящее море отступает перед луной.

Моя луна.

Персональная.

Благостная.

Как она, наверное, контрастировала со мной!

Я – белый, тощий, матовый.

Она – чёрная, крепкая, блестящая…

Как некий райский плод.

Раз – и нейлоновая маечка прорывается, как кожа, под её ногтями.

А я лежал и не двигался, словно парализованный.

Джинсы сползают, зацепляются за трусы танга и гетры, срывая и их тоже.

А внутри, внутри этой фруктовой кожицы – ещё более желанная тёмная мякоть.

Лифчик, она, видимо, не носила из принципа.

Наркотик, экстатическая любовная эйфория, затаился, подобно свёрнутой, но тугой пружине.

Он лежит во мне, ждёт, а пока заставляет губы расплываться в довольной, собственнической усмешке.

А я – всего лишь гадкий червь, готовый поселится в этом плоде.

На её чёрном лице, на лице, на котором светятся золотые монетки глаз, образуется белая прорезь – крупные, белые зубы.

Она легла на меня, навалившись горячим дыханием, раздвинула ноги.

Киска у неё была гладко выбрита.

Нет, не было прелюдии. Не было предвкушения.

Было само – *вкушение* плода.

Только… кто был плодом?

Постель скрипела, в то время как масса наших переплётшихся между собой тел сжималась во всё более тугой и крепкий комок.

Наркотик распрямился во мне, а в ней распрямилась уже моя пружина.

Её темнота была мягкой, влажной, струящийся, и я сам, в зверином, столь звероморфном, плотском наслаждении, старался войти в её ритм, поймать его, стать змеей.

Её темнота, теснота, скоро заставила мою голову откинуться назад, закатить глаза в неимоверно кусающей, приятной боли, такой боли, которая заставляет хриплый крик удовольствия вырываться из твоего горла.

Вой.

Пульсация.

Да.

Как красные цифры над нашими головами.

Как красные ногти, раздирающие, рассекающие кожу на моей спине, выставляя мой хромированный скелет наружу, обнажая рёбра и лопатки.

Как я себе её представлял, в этом бешеном ритме сменяющих друг друга кадров, таких ярких, цветных, резко очерченных двойным светящимся контуром?

Пульсация.

В этом лихорадочном, бездумном вихре наслаждения болью?

Её бесчисленные косички, как черви, падали мне на лицо, грудь, плечи, оплетая их паутиной.

Она была статуей, статуей из цельного куска обсидиана.

Губы, горячие, на коже оставлют ожоги, как и ядовитая слюна…

Нет, она была статуей из лавы, такой она представлялась мне, когда я уже оказался сверху и начал размеренно-скользяще вгонять в неё член, стальной и… холодный.

Опутывая её своим телом, как она меня опутывала своим.

Да, лава, каскад косичек. Сверху, чёрная, гладкая корка, но она уже покрыта множеством трещин, из которых видна огненная магма, пышущая жаром. Синди, этот монолит обсидиана весь стянут сетью горящих разломов, а она всё стонет, стонет, когтями выпуская мне внутренности, да и я не останавливаюсь…

С её кожи срывались пряные язычки пламени…

Из моих пальцев вырастают ледяные кристаллы…

Она обтекаемая, и я стискивал её ещё крепче, жадно приникая ртом к неостывающей лаве, не боясь обжечься, ведь я – лёд, сковываю её, чувствуя её кровь на своих губах. Кровь и пот.

Я – ледяная змея…

И когда жара, исходящая от её криков, когда сладость боли, тысячями лезвий резавшей моё тело, кромсавшей его, становятся непереносимыми, эта магма, жидкая, страстная, перетекает и в

меня, в мой льдистый мрак, она разрушает его кристаллически-бритвенную гармонию изнутри, переполняя меня, и серебрянные змеи, жившие в моей ртутной крови погибают под натиском её огненных – вот тогда я взрываюсь…

Снова погружаясь во мрак…

Над нами тихо падают огненные лепестки чёрных роз. Когда они падают, сгорают в пепел.

Так я на час провалился в небытие.

Она полулежала на мне, уже после того, как мы трахнулись ещё два раза и выкурили кальян, я медленно приходил в себя. Было часов семь утра, согласно календарю.

Синди смотрела на меня своими жёлтыми глазами и водила наманикюренным пальцем по моей груди, выписывая на ней некие замысловатые узоры. Хотя и косички, гладкие и чёрные, рассыпанные по нашим телам, образовывали орнамент не хуже.

Её твёрдые соски прижимались к моей коже.

О «роболе» я и не думал.

Он остался в другой вселенной.

Я тискал её круглый зад…

Её пухлые губы интересно разлеплялись, когда она говорила. Её рот пересох.

Моё же сознание всё плескалось в синеватой дымке сексуального и наркотического удовлетворения. Тело парило в астральных сферах или как их там…

Я спросил: «Синди, ты вообще кто?»

– я… я не проститутка… – сказала она. – если ты это имеешь ввиду…

– Гм… тогда кто? – слова тяжело падали с моих губ.

– Понимаешь… – она подняла на меня свои золотистые глаза. Я впервые заметил приятную округлость её лица в приглушённом сумраке комнаты. – мне нравится встречаться с интересными людьми…

Голос у неё был мягким, слегка подрыкивающим. Она изящно свернулась около меня, подогнув ноги. Я не мог оторвать от неё глаз. Я провёл рукой по бархатистой коже, производя нежный, шелестящий звук.

– И спать с ними?

– Нет, что ты, не всегда. Я ведь танцую. В группе «Светлый Мир». Знаешь такую?

Я отрицательно покачал головой. Разбираться во всех тонкостях российской эстрады – не по мне. К тому же, так напряжённо думать мне совсем не хотелось.

Так приятно было покачиваться на этих волнах, не ощущая ничего, кроме тепла этой почти незнакомой женщины и легкого

одурения.

– И чем я тебе приглянулся? – лениво спросил я , одновременно выворачивая шею и игриво покусывая её за грудь. Она хихикнула и шлёпнула меня по щёке.

– Ты *странный* , Войд. – слово «странный» она произнесла с придыханием. – ты не похож на парней, с которыми я встречалась раньше.

– Так чем же? – этот разговор, сквозь дымку, начал забавлять меня, и я усмехнулся.

Она перевернулась на спину, закидывая руку мне за шею и запуская ноготки в волосы. Её глаза неподвижно уставились в потолок, словно запечатываясь в глазницах.

– Ты как будто вообще ничего не чувствуешь. Вот когда мы трахались… слышь, достань сигарету где-нибудь… так вот, когда мы трахались… ты не подумай, мне понравилось, необычно так… вообщем, ты как будто делал всё… чёрт, не знаю как обьяснить.

– Ну? – я потянулся к тумбочке за пачкой «Мальборо»

– Не из глубины. Не с душой. Ты же холодным был, Войд. Как сосулька. Блин, ты даже не вспотел! – щелчок зажигалки.

– И ты не боишься? – спросил я. По её лицу не было заметно, что бы этот факт её напугал. Она затянулась.

– Нет, конечно. Это, наверное, все твоя жуткая смесь наркотиков.

– Ага, – хихикнул я. – точняк.

– Или вот. Ты часто улыбаешься, но из-за твоих глаз непонятно, смешно тебе или нет. – она повернула голову и посмотрела на меня. Взгляд стал испуганным и пронизывающим. – это жутко…

– Я тебе не нравлюсь? – спросил я её замогильным голосом, одновременно сгребая её в обьятья и целуя в шею. – ничего, твоя кровь мне пригодится!!! – это я уже прорычал, шутливо скалясь, будто собираясь прокусить её горло.

За окном прогрохотала магнитка. По тёмной комнате поплыли квадраты жёлтого света. Синди завизжала в притворном ужасе и прижалась к стене, рассыпая косички по плечам.

– Как сказать. – она прищурилась. – ты конечно не красавец. Симпатичным тоже сложно назвать – разве что на любителя. Ты белый. И тощий. Правда, с *этим* у тебя всё вроде в порядке… слава Богу…

Шоколадный палец с кровавым ногтём обвиняюще ткнулся в мою костлявую грудь. Она прикрыла глаза пододеяльником.

– И глаза, полный кошмар. А зубы, что с ними-то у тебя случилось?

– Выбили. В пятнадцать лет.

Её взгляд был полон недоверия.

– Это значит, три года назад?

– Кто тебе сказал, что мне восемнадцать? – спросил я. Это было правдой.

– Скомат…

– А. Ну ясно.

– Так тебе что, нормальные протезы сделать не могли? Хотя бы под натуральный цвет…

– Я не хотел. Думал, что с хромированными клыками и нижним передним будет выглядеть прикольнее… ну и привык.

Она кинулась на меня, мы стали бороться.

– А ты вот, очень…даже… кругленькая! Аппетитная! Шоколадка!

Синди схватила меня за голову, запустив пальцы в синие волосы, счастливая и смеющаяся. Но тут ей улыбка сползла, будто краска, политая растворителем. Её руки что-то нащупали на моём затылке.

Я давно не видел, чтобы человек *так* менялся в лице.

– Что это? – спросила она, не опуская рук. Её губы побелели.

– Что*это* ? – переспросил я, стряхивая её руки. Она так и осталась сидеть в простынях, как древняя индийская богиня. Я дотронулся до гладкого, холодного металлического выступа у основания затылка.

– Разъём, что ли? – я не понимал причину её испуга. – ну разъём, что дальше?

Синди вдруг резко отвернулась, уставилась на грип-кресло. Я услышал, как она пробормотала «ну конечно, должна была догадаться… дура, дура, дура….». я протянул руку, дотрагиваясь до её плеча, но она стряхнула руку, словно её коснулся труп. По телу пробежала волна отвращения. Она сидела ко мне спиной, а я ничего не понимал.

– Ты… хакер? – спросила она жёстко.

Я моргнул. Она что, не любит хакеров?

– Нет, Синди. А в чём дело?

– Если ты не хакер, Войд, на кой тебе хрен эта штука. – она развернулась обратно и обвиняюще указала на кресло. В её глазах набухали слёзы. – на кой грёбанный хрен тебе разъём в затылке. А это. – её пальцы пробежались по внутренней поверхности моих рук, по тонким, едва заметным под багровыми порезами, серебристым линиям. – нервная система. Операция….

– Синди, я не хакер, я художник. Я глаза даже себе….

– Ты не художник, Войд. – она заплакала.

Я обнял её. Она не воспротивилась, лишь зарылась лицом в моё плечо, изредка вздрагивая.

Она была совсем девчонкой.

– Ну-ну…. – сказал я, так как не знал, что нужно говорить. – скажи мне, в чём дело.

Она подняла голову, внимательно, впитывающе, посмотрела мне в глаза. На дне *её* глаз пылали огненные искорки. Она открыла, а потом закрыла рот. Потом…

– Я убила своего бывшего парня. – сказала она тихо, но хрипло.

Он мне рассказала, боясь смотреть в глаза – был у неё парень, Стёпа, кажись, и был этот Стёпа хакером глубокого подключения. Бороздил он просторы НьюроНета в своём старом шлемике и грип-кресле, чего-то воровал, с кем-то играл, ну и естественно, с тётками баловался.

И подсел этот Стёпа на Сеть. И на баб сетевых. Все деньги, что были, спускал на выделенную линию, а с его развлечениями, ясен пень, траффик был немаленький. Вот и ссорился Стёпа с Синди на почве денег. А потом он ей вообще заявил – проваливай, мне никто, кроме Сети не нужен. И выгнал бедную девушку без гроша на улицу, в дождь.

Но Синди у него ключи от квартиры стырила…

– Я была в отчаянии. Шёл дождь, всё вокруг размывалось… мне было так плохо.Понимаешь, ощущение, будто я была тряпкой, вещью… Мной воспользовались, а потом просто взяли и выкинули… Ключи я взяла на столике в прихожей, просто машинально. Я пошла к Шкету и закинулась «брутусом», так, что мозги отшибло… словно вся моя злость увеличилась тысячекратно. Я всё вспоминала и вспоминала, как он меня кинул…. я была в жуткой ярости. У меня был стилет, подаренный мне ещё одним парнем, вообщем я пошла к Стёпе…. а очнулась, когда меня так ударило током, что я отлетела к противоположной стене.

Придя к нему в квартиру, Синди обнаружила, что хакер в Сети. Недолго думая, она рванула шнур из разъёма, что само по себе могло его убить или оставить овощем, а потом в разъём, в эту круглую штуковину, всадила лезвие. Нож был хорошим, тефлонированным, с лазерной заточкой. Он пробил и систему внитримозгового симбикома, и сам мозг.

Правда, их обоих закоротило, но Синди, к счастью отделалась лишь сильным ударом, а вот парень….

Милиция ничего не нашла, и дело, видимо, закрыли как «глухарь».

А вот совесть… не то что бы она мучает Синди, просто после этого случая она боится встречаться с хакерами. Она боится, что они снова предадут её ради Сети. Люди очень боятся

предательства.

Кажется, человек такой, каким ты его считаешь, но он вдруг поворачивается к тебе совершенно другой стороной лица.

Джекил.

Хайд.

Она вперилась в меня, ожидая реакции. Слёзы оставляли прозрачные дорожки на кофейных щеках. Она смотрела с надеждой.

– Я понимаю тебя, Си. Насчёт убийства. Это нормально.

Её бровь поползла вверх. Она шмыгнула носом.

– Войд, скажи мне, что ты не хакер. Ты ведь… нет, системники так не живут…. кто ты?

Я посмотрел на неё с печалью. Ещё один человек, упавший в мою пустоту. Как в чёрную дыру. Из неё ничего не возвращается.

Пустота.

Я всегда её чувствую.

I feel goddamn nothing.

Пустота во мне.

Я – это пустота.

Бездушная…

– Синди… я – мозгоёб.

По её глазам, я понял, что она поняла.

Я никогда не видел, чтобы человек *так* быстро одевался.

Её заплаканное лицо было каменным и бесстрастным, но в то же время жалобным.

А мне стало по хрену.

Мне даже понравилось, что она не будет мне надоедать. Переспали – прощай.

Циничная усмешка и никаких чувств – это всё я.

Я – это всего лишь разумный фаллос.

Она пулей вылетела из квартирки.

А я, ощутив полную заебанность, прогнувшись под непосильной тяжестью вакуума во мне, отрубился.

В небытие.

Заснул.

Совершил ошибку.

Возможно, я очень хотел умереть….

Как, впрочем, и всегда.

– да, она была…. совсем ничего. – пробормотал я.

– Совсем ничего?! Парень, я вообще не понимаю, как она на тебя клюнула! Я-то сам собирался с ней развлечься…

– Ском, ты же страх Господень. – усмехнулся я.

Лицо Скомата скривилось. Нет, конечно же он не был страхом, просто нужно было, на мой взгляд иметь очень

экзотические вкусы, чтобы быть от него без ума. Парень был альбиносом, настоящим. Рост метр девяносто, телосложение – как у бога, вот только глазки – красненькие, кожа – цветом как отбеленная кость. Белые волосы стоят торчком, зачёсаны в ирокез.

Скомата выгнали с журфака ГУУ, насколько я знал, за торговлю наркотиками. Я вообще не очень интересуюсь прошлым людей.

Он пошёл работать в этот бар, быстро поднял его на ноги, а потом и купил. Родители, хотя они своим отпрыском не интересовались совершенно, были богатенькими бизнесменами в АйСиЭф, решили, наверное – пусть сынок тешится.

Вот и стал Ском владельцем и барменом одновременно, а «Багровая Луна» – весьма модным тусовочным местом.

Все мои знакомые – скорее малознакомые пассажиры, почему-то оказавшиеся в моём купе.

Я всё больше и больше закрываюсь в себе.

На лицо альбинос – что твой оторванный дет-металлист прошлого века. Черты словно резаком выпилены рукой художника-авангардиста – ни одной кривой линии. Высокий лоб, скулы, жёсткий тонкий рот.

Скандинавский бог.

Нет, не Тор, а

Локи… да. Наверное.

– На себя посмотри. Призарк.

Я пожал плечами, почесал разъём. Мало ли. Трахался-то я.

– Ладно тебе. – сказал он. – ты выглядишь ужасно, будто тобой вытерли и наполировали все полы в Яме. Ты хоть спишь… – он осёкся. Виновато посмотрел на меня.

– Ском, ты же знаешь. – сказал я устало. – я *вообще не сплю.*

– Да, Войд, я забыл. Прости. Тебе чего налить? – поспешно спросил он, пытаясь замять возникшую неловкость. Кожа у меня под глазами была стянута словно цементом.

– На твоё усмотрение. Здесь никого до вечера не будет, да?

– Угу. Можешь надираться, но учти. – его палец, как дуло пистолета, уставился на меня. – ты сегодня тут работаешь. Так и быть, сейчас будешь лакать бесплатно. Но это в первый и последний раз.

– Ладно, какие проблемы. А Макарыч? – я кивнул на мужика. Скомат скривился.

– Страый пердун. Я его касаться не буду. Когда эти два пропиздона вернутся, они его вышвырнут.

– Будет полный капец, если он наложит себе в штаны… – сказал Ском, извлекая из стойки бутылку «Малибу». – будешь?

Мне было всё равно. Я вдруг почувствовал себя страшно, неимоверно усталым стариком. Я опять забыл принять стимулятор, и ощущал, как разваливаются синапсы в моих нервах.

Что-то со мной было не так.

Закружилась голова, мозг обволокла пелена, сквозь которую я услышал, как Скомат что-то напевает себе под нос.Я узнал мелодию – «so hard to live» группы «Blues Brothers».

Вдруг материя куда-то потекла, табуретка, на которой я сидел, растворилась…

Мне стало так хорошо и спокойно, только где-то внутри притаилась, как змея в цветке, тошнота.

Рядом я услышал глухой удар.

Я закрыл глаза, слушая, как матерится Ском.

Мне было наплевать.

– Вот же ёбанное дерьмо! – его голос был совсем рядом.

Холодные пальцы под затылком.

Меня кто-то поднимал, так мне казалось, хотя я не очень ощущал своё тело.

– Какого чёрта?

Я открыл глаза, нехотя. Тошнота подкатила к горлу, сдавливая его липкими пальцам. Лицо альбиноса было совсем близко и представлялось каким-то смазанным.

Он пытался посадить меня на табурет и ему это удалось.

Ноги и руки вернулись в моё относительное распоряжение.

Скомат матерился.

Я пытался разгрести туман в голове.

– Что произошло? – спросил я, хотя уже знал ответ.

Лицо Скомата блестело от пота.

– Никогда бы не подумал, что ты такой тяжёлый, сукин ты сын. – он вытер лоб тыльной стороной ладони. – как мешок с дерьмом… ты вдруг начал оседать, закрыл глаза а потом грохнулся… видел бы ты свою гнусную улыбку… какой ты дрянью накачался, приятель?

Я покачал головой – она всё ещё кружилась.

– Я не принимал ничего.

– Ага, и не ел? – ворчливо, как бабушка, съязвил Ском.

Он был прав.

Скомат вдруг схватил меня за руку, закатал рукав пальто. Я ошарашенно следил за его действиями, но ничего не предпринимал. Он присвистнул.

– Ни хрена себе… ты что с собой делаешь, парень? У тебя с головой не всё порядке, да?

Его округлившиеся красные глаза бегали по порезам.

Головокружение прошло, и злость обрушилась на меня. Я выдернул руку из его цепкой хватки и ощерился. Он удивлённо посмотрел на меня.

– Что такого я с собой делаю, а? Это моё дело, понятно? Какого хуя ты лезешь… ко мне под кожу? – почти выкрикнул я.

Скомат скрестил руки на груди. Его лицо выражало тревогу.

– Спокойно, парень. Я просто…

– Хочешь помочь, да? Так вот, не выйдет. Хуй тебе в рот, не выйдет…мне не нужна помощь, мне не нужна помощь, она мне не нужна…. – забубнил я, ссутуливаясь и прижимая к себе руку. Зачем, ну зачем он её трогал? Кто его просил, а? Урод, дерьмо… никто не смеет предлагать мне помощь, я сам, сам о себе позабочусь. Фальшивые улыбки, фальшивое сострадание, на самом деле всем по фигу… нет они враги, зачем им мне помогать? Они не понимают, как это *красиво* …как это совершенно, сладко, да, да, да, сладко… корочка, порез..нет, он не понимает. Зачем ему? КТО ЕГО ПРОСИЛ, ДЕРЬМО?!! Блядь, никто НЕ СМЕЕТ касаться моих красивых *узоров* , не смеет, вечно они хотят меня сломать, унизить, убить, они не понимают пустоту, насколько эти порезы геометричны, красивы, совершенны…да, кровь… я любовно провёл пальцами по вздувшимся красным шрамам и только тогда осознал, что произнёс всё это вслух…я поднял глаза на Скомата.

Он стоял передо мной, ошарашенный, напуганный…

– Ском, извини… – начал я, но яд разлился дальше. – ТЫ НЕ СМЕЛ ИХ ТРОГАТЬ, МАТЬ ТВОЮ!!!

– Войд, успокойся, пожалуйста…

– Ладно, ладно, хорошо… – я сделал несколько глубоких вдохов.

– Дай мне руку. – сказал Скомат мягко, но я видел, что он был настороже. Но это уже было не нужно. Яд отпустил меня. Ну, увидел он порезы, ладно, ладно… я протянул ему руку. Он вывернул её, пробежал пальцами до локтевого сгиба. Вены там были синими и вздувшимися. и выглядели они как-то нехорошо… *неправильно*

– Ага, вот. – он колупнул пальцем по вене. Я завороженно наблюдал за ним. Ноготь у него был розовым, коротко подстриженным, но тем не менее, частички грязи под ним всё же были. Скомат вдруг что-то зацепил у моей вены и рванул. На мою подставленную ладонь упала штучка, похожая на жёлтую пулю. Она была в моей вене.

– Ты забыл вынуть Солнечный Зайчик. – заметил он. Я тупо разглядывал пульку стимулятора в своей руке.

– Выкинь его, он уже просрочен. Поэтому тебе и стало плохо.

Я машинально послушался и сунул Зайчика в карман пальто. Бармен придвинул ко мне бокал с «Малибу».

– Выпей, парень. Хорошая штука. Выпей и расскажи мне, зачем ты себя калечишь…. – сказал он. Заботился? Волновался? Во всём этом был привкус фальши…

Школа. Урок по алгебре. Я стою, единственный из класса, держу у своего глаза ручку, и ору училке, что если она, Евгения Станиславовна, сейчас же не поставит мне «пять» в семестре, то эта ручка будет торчать в моём глазу. В классе такая тишина, которой не добьёшься даже у самого строгого учителя. Слышно даже, как работает вентиляционная система.

У учительницы дрожат губы. Она пытается что-то возразить, но я кричу, чтобы она захлопнула свою сраную пасть, и делала, что сказано, иначе моя смерть будет у неё на руках.

Она плачется, что у неё нет полномочий.

Я приближаю ручку.

Все затаили дыхание.

Это шоу.

Это не реально.

В их глазах, жестоких глазах двенадцатилетних детей, я вижу только жадный интерес.

«Это даже круче, чем по телеку!!»

Никто не хочет увидеть, что всё обошлось.

Все хотят увидеть, как я вонзаю ручку себе в глаз.

Все хотят увидеть желатиновые мозги и клюквенную кровь.

Это же шоу.

Это же нереально.

Училка заламывает руки.

Все ждут.

Всем очень интересно, что будет дальше.

Элемент неожиданности круче, чем в интерактивном телевидении.

"пожалуйста, выберете следующий поворот сюжета:

а) герой убивает себя

б) герой не убивает себя, и не получает то, что хочет.

в) герой не убивает себя, и получает то, что хочет

г) героя спасают

спасибо за голосование"

Я приближаю ручку к глазу совсем близко, фокусируя зрение на самом её кончике.

Сашка с задней парты со всего размаха бьёт меня планшетом по голове. Всё мутнеет, и я чувствую, как что-то обжигает мою щёку.

«и вот результаты голосования – 99% выбрали вариант А. 1% – варианты Б и Г. Сегодня выигрывает меньшинство. Спасибо за просмотр и до следующей серии.»

Я промазал на каких-то полтора сантиметра.

Дальше – полгода ежедневного общения со школьным психологом. И не только со школьным.

Промывка мозгов от родителей.

Пятёрку я так и не получил.

Развод. Моя сестра уходит в секту. Я снимаю квартиру. Мне пятнадцать лет. Отец – в Кайро, мать – в Эдо.

I'm on my own…

Меня всё достало.

Мне хочется с этим покончить.

Я не хочу, чтобы моя сестра уходила с грязными кришнаитами. Мне не нравится, что она перестала мыть волосы, что она целыми днями распевает мантры плохо поставленным голосом.

Мне не нравится, что она исчезает из квартиры на целый день и что она перестала готовить. Ей только четырнадцать.

Мне не нравятся эти идеи насчёт отъезда в другой город.

Мне не нравятся мои сокурсники.

Мне не нравится мой институт, преподаватели, предметы, станция метро на которой он расположен и само здание.

Мне не нравится: Москва, старые бабульки, эта квартира, солнечный свет, пыль, запах сёстриных «Kenzo», облезлые кошки, обед из микроволновки, вонючие носки, разбитые вертушки, купленные в переходе, магнитофон, портящий всё, что в него попадает, грязь на дорогах, дым, сигареты, мантры, магнитные поезда, наглые инвалиды и нахальные тётки с сумками, бомжи, трамваи, вороны, запах чебуречных, интерактивное телевидение, тот факт, что мне выбили три зуба, наезды в институте, искрящие троды, хачи, надземный переход, подземный переход, ларьки, в которых торгуют всяким дерьмом, голографическая реклама, неоновые вывески, моя раздолбанная консоль, сотовая сеть, Санта Клаус, шум воды и так далее…

Короче, мне не нравится ВСЁ. Точнее, я ВСЁ ненавижу.

И в первую очередь, себя, ненавистного.

I hate myself and I wanna die…

Вот что я пою. Пою, то срывась в дет-металлический рык, то в жуткий визг. Я только начал играть на вертушках.

I hate myself and I wanna die…

Да, да. Именно так.

Я, наверное, какой-то не такой. У меня нет врождённого страха перед смертью. Неважно, чьей.

Я помню, как однажды, погожим утром, мы с сестрой шли из кино, из «Ударника» и из какого-то дома, около которого мы проходили, держась за руки и смеясь, из окна выпрыгнул человек. С десятого этажа. Чуть ли не на нас.

Звук был… странный. Как будто кочан капусты разломили голыми руками.

Шлёпнулся он мощно. Череп раскололся, руки-ноги выгнулись и переплелись совершенно немыслимым образом. Внутренности расплескались по неровному асфальту. Кровь залилась в трещины.

Ленка и ещё какая-то баба, стоявшая там, заголосили, как сирены.

Самое страшное, человек был ещё жив. Он тоже орал, хрипло, остатками гортани, и их совместные крики слились в жуткую какафонию.

Машины и «ножи» останавливались, люди высовывали головы. Им было интересно.

Его кости торчали сквозь кожу, пропоров её, как тонкую ткань. Лицо, то есть то, что от него осталось, было изуродовано. Сквозь кровавую завесу проглядывал голубой глаз, в котором

плескалась неземная боль.

Я стоял совершенно спокойно и смотрел на умирающего человека.

Меня сильно забрызгало его кровью и мозговым веществом.

Я стоял, весь в его крови и смотрел.

И не чувствовал при это ровно ничего.

Ничего.

Н-и-ч-е-г-о-ш-е-н-ь-к-и.

Вот такой я ублюдок.

Ленка неделю отходила от шока.

Я же, придя домой, забыл застирать одежду.

Есть в этом какое-то извращённое удовольствие – знать, что ты замешан в чьей-то смерти.

Знать, что последнее, что видел человек – это твою постную, равнодушную рожу.

Что он понял – тебе наплевать.

На его боль.

Страдание.

Смерть.

Что ты пройдёшь мимо и плюнешь на его растёкшиеся мозги.

Вот это и есть истинная боль.

Что я вынес тогда из этой истории – то, что прыгать из окна это плохой способ самоубийства.

Что так я делать не буду.

Тогда, в пятнадцать лет, тем летом, я уже работал – в НьюроНетовской дизайн-студии «Freeware Art Systems». Пока Ленка бегала по ларькам со своей любимой ненаглядной Кришной и Шивой, а также с доморощенными брахманами, я втихаря взял деньги, которые отец с матерью отложили нам на машину перед тем, как разъехаться и пошёл по клиникам.

В Институте мозга мне приживили симбиком – симбиотический биокомпьютер. Я сказал, что у меня дислексия.

Я притащил им справки. И разрешение от родителей.

Выглядели они, как настоящие.

Но делал их мой знакомый второкурсник – Данька Валлер.

Мне было пятнадцать лет, а я уже был на первом курсе.

Я был жутко безответственным.

Но умным. Перескакивал из класса в класс и так до самого окончания школы.

Родители мной не гордились.

Им вообще было наплевать, по большому счёту.

Я поступил в МЭСИ.

Опреация была жутко болезненной. Мне просверлили дыру в черепе и запихнули туда смесь из кремния и полиорганики.

Оттуда я побежал в Институт Гельмгольца за глазами.

Мне *нужны* были глаза. Я хотел стать знаменитым художником, дизайнером НьюроНета.

Я хотел славы и денег.

Я могу рассказать, как меняют глаза.

Операционный стол ослепительный, альпийски-холодный. Грудь опутывают провода, и тебе кажется, что ты – ничтожная муха, попавшая в ловчие сети паука.

Всюду пищат датчики, мониторы демонстрируют томограммы и ЭМР-срезы твоего мозга, а именно – лицевой части. Над тобой горят три солнца. Три прожектора.

Тебе страшно. Тебя трясёт. Ты смотришь на мир глазами, которых у тебя скоро не будет…

То, что ты видишь, тебе не нравится. Ты косишь глаза и натыкаешься взглядом на кювет с инструментами, блестящими, ждущими терпиливо, как летучие мыши, твоей крови.

Скальпели, зажимы, резаки…

Ты видишь суставчатые манипуляторы, крохотные гидравлические руки-зажимы.

По тебе бежит пот…

Ты не можешь пошевелиться из-за этого парализующего чувства. Из-за страха…

Появляются медсёстры, молчаливые, торжественные. Они двигаются бесшумно, перекладывая инструменты, дёргая рычажки.

Это восхитительный в своей мертвенности и совершенности танец.

Танец хирургических жриц.

Они поклоняются змее. Змее Асклепия.

Лица закрыты респираторами, скрывая выражение, эмоции.

Одна из сёстёр включает вспомогательную голограмму и твоя собственная прозрачно-цветная голова зависает около твоей груди. Настраивается на резкость и ты видишь подвешенные в воздухе латинские названия рядом с изображением.

Они все вместе тихо вращаются.

Медсестра – у неё ледяные руки и шприц-пистолет в руке. Она как робот, резко выбрасывает пистолет к артерии на твоей шее и спускает курок. Ты замечаешь, какие классные у неё буфера, обтянутые бриллиантово-белой микрофиброй. Ты слабо улыбаешься, а она говорит, и голос её монотонен.

Она говорит: «Это обезболивающее»

И ты понимаешь, что общего наркоза не будет.

Тебе хочется вопить, но как в страшном сне, ни один звук не срывается с твоих губ, потому что связки уже одеревенили и

больше не подчиняются тебе.

Дальше, все происходит как в кошмаре.

Ты не можешь никуда убежать.

Приходят хирурги. Они боги. Они боги, и в силах сотворить с тобой что угодно. Ты – лишь ничтожный червяк, извивающийся в руках Господних.

Специальными распорками тебе поднимают веки и фиксируют их.

Над тобой зависает частокол скальпелей.

Ты вжимаешь яйца и член себе в пах, как можно дальше.

Ты не можешь закрыть глаза.

Твои руки, ноги, тело – в захватах, которые не отпустят.

Потом, эти самые гляделки заливают специальным раствором, вероятно, антисептиком.

Тебя трясёт, когда над тобой склоняется лицо трёхглазого божества. На хирурге – специальный прибор приближенного сверхчёткого видения. У тебя на секунду мелькает мысль: почему он *себе* не сделал таких глаз, если ему надо хорошо видеть? Ты начинаешь чувствовать один большой подвох в этом всём. Клиника-то российская…

Остальные, весь персонал, человек десять, включая робота, толпятся где-то на заднем фоне.

И ты видишь – скальпель, такой совершенный, отражающий своей хромированной поверхностью свет, бросающий прекрасные блики на всё окружающее… он идёт вниз, к твоему лицу, а линзы хирурга светятся зеленоватым, жутким огнём.

Не слышно ни звука, когда твои глаза вырезают из глазниц.

Только хрустит гидравлика робота, да щёлкают суставы пальцев медсестёр.

Но ты, ты кричишь, срывая горло, кричишь от ужаса и отвращения, от страха, ты кричишь, желая умереть, и хотя ты не чувствуешь боли, ты ощущаешь, как скальпель добирается до кости глазниц, а по твоим щекам течёт кровь, белок и слёзы, которые не успевает промокать медсестра. И видение обволакивается густо-красным, а ты кричишь, кричишь, пуская пену изо рта, но тишина по-прежнему стерильна… и этот крик навсегда остаётся блуждать в твоём мозгу, не затихая никогда, унося с собой частичку твоего душевного здоровья…

Потом, в просушенные,чистые глазницы (ты слеп) тебе заливают эту чёрную наномассу. Наливают столько, чтобы она не выливалось из впадин…

Дальше – работа робота. Своими жужащими конечностями он засовывает в твердеющую массу микросхемы и начинает сваривать их со зрительным нервом. Всё это время, нанороботы,

эти программируемые атомы, трудятся, создавая такой зрительный аппарат, которого доселе не было в природе.

Реабилитационный период длился две недели. Потом глаза синхронизировали с симбикомом. И я ещё неделю ходил в марлевой повязке.

Зато когда я в первый раз открыл глаза, что я увидел? Рассерженное лицо сестры. Она закатила мне такую истерику, что медбрату пришлось силой выволакивать Ленку из палаты. По пути она расцарапала ему лицо.

Зато всё это было таким чётким. Можно было приблизить. Можно было проренгентить. Правда это жрало много энергии.

Я стал видеть очень хорошо.

Я создал много прекрасных картин.

Но чтобы создавать подлинные шедевры, мне нужно было подключаться глубоко.

Это было нелегально.

Нужно было вшивать разъём и нейротрансмиттер.

Я стал искать ближайшие чёрные клиники и справлятся о ценах… деньги у меня ещё были.

В тот день, я сидел за столом, ел разогретое в микроволновке рыбное филе из судочка и листал журнал с обьявлениями – «Из рук в руки».

Сестра явилась неожиданно, вся обвешанная бусами и с целой кипой брошюрок – это был её способ зарабатывать бабло.

Шляться по квартирам и убеждать престарелых идиотов вступить в целебный круг санасары. Это её парень её научил.

А у меня не было времени выбивать из неё эту дурь.

Я решил, что если она женщина, пусть делает, что ей вздумается.

Она пришла и начала клянчить денеги на клуб. Вначале я делал вид, что не слышу, но она всё тараторила и ныла за моей спиной, ныла, чтоб я дал ей денег.

У меня и так всё было погано.

Каждый день я приходил с синяками.

Из-за того, что я белый.

Вы никогда не слышали про кавказский расизм?

Еслт нет, считайте, что вам повезло.

Я, как назло, снял квартиру в чёрном районе – в Новогиреево и поступил в хачовский институт…

Я стал расистом.

Когда чуть ли не каждый день тебя избивают, поневоле становишься озлобленным.

Я, видите-ли, белый.

У меня нет родителей (здесь, по крайней мере) и

родственников. Отличный объект для отпиздона. Ну да, и тот факт что я был младше своих сокурсников на три года. Хилый мальчишка с жуткими глазами, на которого можно навалиться спятером и отпиздить так, что он до дома еле доползёт.

Сестра мазала боевые раны йодом.

Как мне тогда было плохо…

Ленка всё клянчила и клянчила, потом рассердилась, плюхнулась на неубранную постель, взяла свой журнал и начал поливать меня всеми ругательными словами, которые она знала.

Она называла меня:

Уебищем
Мудаком
Мудозвоном
Дикхедом
Ублюдком
Вонючим козлом
Хуём моржовым
Дерьмом
Уродом
Говном
Сифоидным шизиком
Стревозником
Придурком
Идиотом
Гондоном
Пропиздоном
Приздрюком
Ничтожеством
Гидроцефалом
Имбецилом
Олигофреном недоебанным
Вислым хуем
Блядуном.

Причём все эти эпитеты были произнесены очень эмоционально, с вытекающим злобоедством. С каждым новым словом я сжимал нож с вилкой всё сильнее и сильнее, а когда она сказала, что она надеется, что какой-нибуль хач проломит мне башку, а потом отымеет меня в зад, я развернулся.

Я давно хотел со всем этим покончить.

Совершенно не думая,

Приставил нож себе к горлу

И

Заорал:

«ЗАТКНИСЬ, СУКА!!!»

На меня словно снизошло озарение. Это так легко – не думать.

Её глаза расширились. Ленка явно не ожидала такого поворота событий. Она только открыла рот, как я снова заорал:

– ЗАТКНИСЬ!!!! ЗАТКНИСЬ СЕЙЧАС ЖЕ, ИНАЧЕ Я СЕБЕ ГОРЛО ПЕРЕПИЛЮ!!!

– Дим…

– КАКОГО ХЕРА, ТЫ ЗАБЫЛА, КАК МЕНЯ ЗОВУТ?!!! Я ЖЕ ТЕБЕ, БЛЯДЬ, СТО РАЗ ГОВОРИЛ, ЧТОБЫ ТЫ МЕНЯ ТАК БОЛЬШЕ НЕ СМЕЛА НАЗЫВАТЬ!!!

– Войд…

– ТЫ МЕНЯ ДОСТАЛА, ПОНЯТНО? ЗАЕБАЛА СО СВОИМ ДЕРЬМОМ! МЕНЯ ВСЁ ДОСТАЛО!!! – орал я, держа лезвие у кадыка.

На самом деле, это непередаваемое ощущение власти. Над жизнями.

– Пожалуйста, не надо…

– НАДО!!! Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, Я НЕНАВИЖУ СЕБЯ, Я НЕНАВИЖУ ЭТОТ СРАНЫЙ МИР, МАТЬ ЕГО В ЗАД!!! И ТЫ, ТЫ ВИНОВАТА, ТЫ И МАТЬ С ОТЦОМ, А ЗНАЕШЬ, КЕМ ОНИ БЫЛИ? УБЛЮДКАМИ! Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНИ СДОХЛИ!!!! И ТЫ ТОЖЕ!!! ЗАТКНИСЬ!!!

Я всё выплёскивал на Ленку. Наверное, она тоже страдала. Но я такой эгоист….

– СУКА!!! ТЫ СУКА, Я БОЛЬШЕ ТАК НЕ МОГУ!!! – я слегка надавил на лезвие и почувствовал, как что-то тёплое полилось за воротник..

– ДОСТАЛА!!!

Она разревелась, всхлипывала, молила, чтобы я прекратил. А я всё больше и больше входил в раж.

– Я ХОЧУ СДОХНУТЬ, Я, БЛЯДЬ, ЭТО СЕЙЧАС СДЕЛАЮ! И ТЫ, *СЕСТРЁНКА* , БУДЕШЬ В ЭТОМ ВИНОВАТА!!!! – злорадствовал я, прижимая нож к горлу. Я и в самом деле был готов располосовать его.

– НЕТ, О БОЖЕ, ВОЙД, НЕ НАДО, НЕ НАДООО…. – она зашлась в плаче, слёзы струились, как серебрянные струны, по её лицу.

– Я ПОКИДАЮ ЭТОТ ДЕРЬМОВЫЙ МИР!!!! Я НЕНАВИЖУ СЕБЯ И УМРУ!!! – пропел я, улыбаясь, как сумасшедший, а моё лицо, всё ещё, наверное, было искажено злобой. Да я и был сумасшедшим.

Когда ты собираешься умереть, люди начинают тебя слушать.

Когда ты собираешься умереть на их глазах, они вдруг начинают тебя любить и ценить.

Когда ты собираешься умереть, они начинают хотеть что-то для тебя сделать.

Причём, сделать что-то хорошее.

– НЕТ!!!

– Я УБЬЮ СЕБЯ, ПОНЯТНО?! ЭТО ТЫ, ТЫ И ВСЕ ОНИ ДАВИТЕ НА МЕНЯ!!! НЕ МОГУ БОЛЬШЕ!!!!

– Войд!!! Пожалуйста, извини, ИЗВИНИ МЕНЯ!!!! Я НЕ… Я НЕ БУДУ, НИКОГДА БОЛЬШЕ!!! – закричала она, видя, что кровь уже течёт по моей шее. – ПОЖАЛУЙСТА!!!

Это мой фирменный способ решать проблемы. Достаточно сказать человеку, что ты сейчас умрешь, причём из-за него, и он тебе луну с неба в зубах принесёт.

Но, конечно, мне не так уж и нужен был повод. Я и в самом деле хотел умереть.

Спасла меня до смешного простая штука – мне вдруг жутко захотелось отлить. Я подумал, что просто обоссусь и смерть моя будет носить отпечаток пошлости… буду валятся с перерезанным горлом и мокрыми штанами. Мне показалось это противным.

Вот и всё.

Я положил нож и мы помирились.

И практически больше никогда не ссорились.

И, наверное, именно с того момента я налёг на наркоту и с того моменты вместо души у меня появилась эта чёрная дыра, которая зовётся Пустотой.

Как раз в это время, я осознал, что мир специально создан Богом только для того, чтобы нагадить лично мне.

И с того момента, моя жизнь круто развернулась на грёбанные сто восемьдесят градусов и зашагала в сторону смерти.

Хотя…

Наверное, к этому шло с самого детства…

– Я не знаю, Ском. Боль – это приятно. Это прилив адреналина. Это на время заполняет пустоту. Ты просто режешь себя, тебе больно, кровь красная – и проблемы уходят. Нет, они не исчезают, они просто перестают тебя волновать… – я допивал третий стопарик «Флагмана». Скомат завороженно следил за мной.

– Так что я буду продолжать это делать. Мне не нужны твои советы и сострадание. Тебе всё равно наплевать. – я подлил ещё и проглотил это.

– Ты псих, Войд. Ты калечишь себя, а твоя проводка, – он ткнул пальцем в серебристые шрамы на внутренней стороне руки. – она не страдает?

Я пожал плечами. Следы от переделки нервной системы покрывали всё моё тело, ртутным орнаментом, напоминавшим

чертёж микросхемы. Это стоило очень дорого. Это было довольно болезненно. Это было… *приятно.*

– Нет, я, когда себя режу, не затрагиваю проводку. Я аккуратен.

Скомат покачал головой. Он вздохнул и налил стопку себе.

– Знаешь, парень, ты ведь умрёшь и очень скоро, если будешь жить такими темпами. Сколько твоя поджелудочная и мозг выдержат, хм? А стимуляторы?

– Года два. – сказал я равнодушно. – потом выращу в клинике новую железу…

– А мозг?

Я не ответил. Я и сам знал, что мозг скоро станет похожим на кусок швейцарского сыра. Да, я чуть не забыл про «робол». Из внутреннего кармана пальто я вытащил красную пульку и засунул её в венозный порт.

– Ты на этой дряни сидишь? – с отвращением спросил Ском. – какой кошмар. Она тебя изнутри съест.

– Да, я знаю. Но это единственная доступная мне *дрянь* , которая не даёт мне уснуть.

– Шизанутый ублюдок. – подвёл итог Скомат и выставил мне всю бутылку «Флагмана».

Через час, когда я уже порядочно нализался и пустился в горькие, но приятные самоедские мысли, из женского туалета притрюхали Ринат и Лёха. У Рината, здоровенного смуглого парня татарской наружности, из-под мышки торчала доска для нард. Его лицо было мрачным, а вот Лёха, высокий чел с крысиным лицом и серыми дредами победоносно улыбался. В его рту блестела золотая фикса.

Он хлопнул меня по плечу.

– Здорово Войд. Как жизнь?

Я поднял голову.

– Всё, понял, отъёбываюсь. Ском, слышь, чувак, я его сделал!!! – за этим последовало весьма странное телодвижение – смесь почёса обезьяны и вудуисткого танца. Лёха заржал на слишком высокой частоте, так что я прикрыл свои бедные уши. – а вот Ринатка у нас в говне, да, малыш?

– Заткнись, придурок. – погрохотал татарин. – в следующий раз эта доска будет торчать в твоей заднице…

– Да, да, победителей не судят! Ском, что с нашим эм-си? Я бы побился об заклад, что он всю ночь чистил городские параши, но от него вроде не воняет, тогда…

– Перетрахался. – ядовито заметил Скомат, протирая бокалы. – для него это оказалось непосильным трудом, так?

– Отъебись. – сказал я и опять уронил голову на руки. Мне

жутко хотелось выпить ещё.

– Угу. Из парня все соки выжали…. эх, молодёжь. – Лёха встал в позу бодибилдера. – а вот этот засранец, – он ткнул пальцем себе в грудь. – пятнадцать раз за ночь с тёткой, и ни одна собака не осталась без моего внимания!

– Вот именно, что собака… Ском, ты не одолжишь мне ещё бутылочку? – попросил я.

– Баккаради устроит?

– Его и ослиная моча устроит. – хихикнул Лёха.

– А ты заткнись. Ринат, Лёх, видите Макарыча? Ну вот, раз-два-взяли и понесли его отсюда..

Ринат и второй бармен нехотя подкатили к старику.

– О, Господи, какая вонь… – простонал Лёха, зажимая нос. – он же *насрал* тут…

– Бээ.. – согласился Ринат. – Ском, он тяжёлый….

– Ничего не знаю. – тот бы непреклонен.

Я с интересом наблюдал, как морщась от отвращения и брезгливости, парни схватили старика под мышки, и непрерывно, грязно матерясь, потащили его к выходу. И тут, в лучших традициях американских и немецких комедий, Лёха, стараясь держаться от Макарыча (так в себя и не пришедшего), поскользнулся на моче, натёкшей с брюк деда, и смачно шлёпнулся на задницу, естественно, увлекая за собой и бесчувственное тело. Один официант удержался на ногах, и сказав лаконичное «блядь», принялся стаскивать насквозь провонявшего дерьмом Макарыча с Лёхи. Тот лишь стонал и охал… я расхохотался.

– Закрой пасть, ничего смешного здесь нет! – разъярился бармен. – ооо, моя лучшая рубашка. – он потрогал свою чёрную, расшитую зелёными листиками каннабиса шёлковую сорочку, взял полу в руки, поднёс её к носу, принюхался. – Вот же дерьмо! Это же дерьмо!

– Между прочим, – процедил Ринат, державший старика за руку. – мы тут не закончили… пошевеливайся, мать твою!

Парни всё-таки вынесли старика вон.

Лёха пошёл переодеваться и мыть руки, Ринат – в кухню, названивать повару.

Я глотнул рому из бутылки. Поймал поражённый взгляд Скомата. Тот возился с кассовой консолью.

– Да, совсем забыл тебе сказать… вчера закрутился, сегодня тоже как-то…короче, тут позавчера чувачок один заходил, тебя спрашивал…

Моя рука с бутылкой замерла в воздухе. Вот только таких новостей мне не хватало.

– Кто, можешь сказать? Ментура, хачи, ОБК, ФСБ? – я действительно взволновался, подстёгнутый алкоголем, чего со мной давно не бывало.

– Хе, не бери так высоко… Не, не из ментуры и не фээсбэшник, уж точно не хач – кстати, у тебя с ними опять проблемы?

– Да нет… просто мало ли…

– Вот ОБК – вполне возможно. Не, ну ты прикинь – у меня тут туса, народ клубится, травка там, наркота, звероморфы, жуткие, кстати были – гиены сраные, вот и тут этот джентельмен. Лет этак пятидесяти, но выглядит на тридцать пять, видимо сильно правленый мужик, только вот – кожу на руках никто не омоложивает, ну ты понимаешь. Одет как с иголочки, стильный костюм, возможно, от Бриони, тефлонированный хлопок – я замечаю такие вещи, сам знаешь, при галстуке, титановые Ситизены. И знаешь, дефилирует так к стойке, будто ему сейчас слюна из чьей-нибудь гнилой пасти на этот костюм не капнет…

– Ну! – Скомат раздражал своей медлительностью.

– Вот, интеллигентно так усаживает свой надушённый парфюмом зад на табурет, щёлкает серебрянной зажигалкой, затягивается… Ну, я думаю, мало ли, кому что нравится. Спрашиваю, что будет заказывать, а он такой: «типа, не надо, лучше скажи, сынок, где тут можно встретить некоего господина Войда». Я настороже, думаю, что за личные дела у тебя с такими типами, ты же ведь вроде никогда не контактируешь с заказчиками напрямую, так?

– Ну да… – Я слушал всё более внимательно. Что-то там было нечисто… откуда он вообще мог знать, что тот Войд, который ошивается в баре, тот же самый, что и из Сети. Не такая уж и редкая эта кличка…

– Я сказал, что таких не знаю. Решил перестраховаться. – он бросил на меня быстрый взгляд. – сказал, что он, возможно, ошибся. А этот чувак, он улыбнулся и – пффф! Испарился. Я даже не успел спросить, кто он такой.

– Ясно-ясно… – я забарабанил пальцами по стойке. Время было – 14:48.

– Блин! – воскликнул я, и полез за терминалом-2. Письмо! Скомат перегнулся через стойку.

– Э, у тя новый терминал?

– Угу. ДжетВайр, ка-пятнадцатый.

Я вошёл в Верхнюю Сеть, пробежал по аккуанту – денег оставалось немного, так что я сразу залез в ящик.

Там было письмо, что самое интересное – неидентифицированное. Ни обратного адреса, ни адреса домена,

не имени отправителя. Только адрес получателя.

По спине пробежала холодно-кислая волна мурашек.

ОБК – Отдел по Борьбе с Киберпреступлениями уже пять раз меня чуть не цапал. Два раза – в реале, три – в Сети. Ну, в Сети, понятно, шансов у них было немного, разве что они держали у себя в штате мозгоёба, или, что звучит гораздо приятнее – Спящего, в чём я сильно сомневался. А вот реал… там я мог попасть очень серъёзно. Особенно после последнего инцендента. Я боялся, что они выйдут на меня, как на физическое лицо.

А ведь мы с ОБК работали почти что в одном направлении… да…

Посмотрим…

"You have received an UpNet mail.

We have experienced some difficulties during the transportation of your e-mail.

The mail was sent from an unknown domen.

Please notify MailGo.com in case problems occur.

You can always find us and get a free consultation in our NeuroNet office, port MailGo.

Thank you for using MailGo.

Доброе утро, день, ночь, уважаемый господин Void, если Вы позволите мне так Вас называть. Я не очень люблю представлятся по почте, Вы видите, что письмо текстовое. Я обращаюсь к вам по поводу работы, которая, как я полагаю (и надеюсь) Вас заинтересует. Так вышло, что то, что я вам предлагаю, не относится к легальной части Вашего бизнеса, если Вы понимаете о чём я. Оплата будет весьма высокой. В виду того, что электронные сообщения контролируются и просматриваются, я был бы рад встретить Вас лично где-нибудь в Москве (несмотря на заверения Вашего депигментированного друга, что он Вас не знает и даже не слышал о Вас) или, если Вы опасаетесь за свою безопасность, в одном из ресторанчиков НьюроНета. Уж извините, люблю деловые встречи в уютных местах. К письму прилагается закодированые 128-битным кодом названия этих мест. Полагаю, что расшифровать их, с Вашими способностями, Вам не составит труда.

Я буду очень рад иметь с Вами дело, так как весьма наслышан (из надёжных источников) о Вашем высоком профессионализме.

Извините за немного неформальный тон письма.

Всего доброго и до скорой встречи.

М. Берроухок."

– Гм. – протянул я. Потянулся к вене, настаривая стимулятор на нужный режим. Вышел из Сети и засунул терминал-2 в пальто.

Пригубил рома.

– Ну? – поинтересовался Ском.

– Похоже, что твой знакомый нашёл один из моих почтовых ящиков. – процедил я.

– Нашёл? Я не понимаю. Если он нашёл ящик, почему он не может найти тебя физически?

– Потому что я не мудозвон, понятно? У меня десяток ящиков привязанных к несуществующим людям… если даже он выяснил, что ящик принадлежит мне, он не сможет найти меня в настоящем мире… к тому же, я постоянно меняю квартиры, на всякий пожарный… – я задумался. – кто-то ему обо мне рассказал, возможно другой заказчик, который и дал ему адрес ящика, это возможно. Но тогда как он меня привязал к твоему бару, Ском, а?

– Я не знаю… это твои игры. Вот если он из ОБК, тогда тебе придётся не сладко. – Ском понизил голос и оглянулся. – то, что ты сделал с их оперативником, они надолго запомнят…

– С каким? – спросил я., будто не понимая, о чём он.

– А ты не помнишь, да? Тот, которого ты оставил растением на всю жизнь. Помнится, ты был весьма довольным, когда провернул это дельце, а?

– Так. – я напрягся. – ты, что же, меня обвиняешь? Это был вопрос *моей* жизни и смерти, и вообще, я тебе это рассказал не для того, чтобы ты мне потом…

– Войд, *я* не занимаюсь тем, что убиваю и калечу людей, ты это понимаешь?

– Что…

– Да, я продаю спиртное, наркотики, занимаюсь нелегальной торговлей… но я никого не убивал за свою жизнь, а я всё-таки постарше тебя буду. Ты мой друг, каким бы ублюдком ты ни был, и я просто беспокоюсь за тебя… ты меняешься, страшно меняешься..

– Бля, в каком смысле, куда ты клонишь? – я сжал стакан в руке. Как будто я сам не знал, что я меняюсь…

– Это ведь случилось месяца два назад, так? У этого мужика могли быть дети и жена. – Ском сжал губы. – да, он был твоим врагом, угрожал тебе, но ты мог его просто убить. Понимаешь, *убить* . А ты вогнал его в безумие. Ты отнял у него душу. И почему, Войд? Я уже давно, с того момента как ты, пьяный, мне это рассказал, задумывался над этим – зачем ты это сделал… из бессмысленной жестокости? Из каких-то садистических наклонностей? Я не знаю, но они тебе этого точно не простят. Ты оставил его недочеловеком и это, на мой взгляд, в тысячу раз хуже, чем если бы ты его прикончил… а ты ведь веселился

тогда…

Скомат резко выпрямился, и словно аршин проглотив, вышел в кухню. Я остался наедине с бутылкой.

Ну что на это можно было ответить?

Зачем Раскольников старушку зарубил?

Наверное, он сказал бы: «это было в прошлом»

Так сказал бы и я.

Но, вместо этого, подлил себе ещё.

До вечера оставалось ещё много времени…

Кто я?

Кто я, мать вашу?

Мне было семнадцать лет, но, представьте себе, мне уже ничего не хотелось.

Я и не претендую на объективность, но для

Меня

Конкретно

Мир был сраной дырой, которая мне не нравилась и в то же время нравилась.

Юношеский максимализм. Угу.

Сублимированное либидо

Агрессия

Взаимоотношение полов

Гендерная самоидентификация

Социальные роли.

Мир – как дурь. Ты понимаешь, что это полное дерьмо, и лучше тебе с него слезть, но ты не можешь *физически* . Тебе нравится то, что он тебе даёт, нет? Но в то же время тебя выворачивает наизнанку от этого факта.

Мир – как секс вкруговую. Ты вставляешь кому-то, а сзади кто-то вставляет тебе.

Вопрос в том, что нравится больше – что ты ебёшь кого-то или то, что ебут тебя?

Наше сообщество – это бесконечный трах и выигрывает не тот, кто сильнее, или приспособленее, или богаче, нет, все эти факты вытекают из одного единственного:

Нужно натянуть большее количество людей, чем то, которое оттрахало тебя.

И всё.

Глобальная ебля.

О, я очень грубый, да?

Но ведь это всего лишь снимок, точнее видео моей рожи, которую вы можете посмотреть по адресу wup.livejournal\user \void\s451fuckedup.rtml или провиртуалить по адресу nn:\do.ent. livejournal\user\void\s437\vir.

Это мой дневник.

Я знаю.

Я могу засунуть свои измышления себе прямиком в задницу.

Всё что я скажу, канет в вечность. В Лету. Вообщем, к чертям собачьим.

Так вот, слезть с иглы этой жизни можно только откинув копыта.

Почему большинство людей не делает это?

Могу сказать.

Почему наркоман, даже после жуткой ломки, всё равно хватает шприц или что там?

О боли забыть легче, чем об удовольствии.

Мы все забываем о боли. Между тем, это отрезвляющий фактор.

Ты спросишь меня: если ты такой умный, какого хера ты не повесился до сих пор?

А я отвечу: я пытаюсь.

Точнее так. В повседневной жизни я мелочный подросток, пытающийся за счёт антиобщественных помыслов выделится среди всех – нормальное естественное желание. Рабская психология. Рабу вечно надо показывать, что он *не* раб.

То есть – мы примыкаем к расистам, к любителям пива, почитателям НейроСети, толкинистам, ходим в гольф клубы, становимся звероморфами, ширяемся – но это не выделяет нас, наоборот, мы опять ищем какой-то узкий круг, к которому можно присосаться и снова войти в некую социальную группу…ой, башка трещит. Вообщем, попытки выделится ещё сильнее показывают нашу рабскую сущность. Психологию существ, которым во-что бы то ни стало нужно заявить о себе.

Однако, неприятие всего вышесказанного, полное растворение и слияние с сообществом ведёт всё равно к тому же.

Это как некая шкала, по которой куда бы ты не ёрзал,ты всё равно придёшь к одинаковому финишу.

И никаких призов в конце.

Да, я тоже этим страдаю.

Мне нравится быть не как все.

Я просто боюсь быть как все.

С другой стороны, во мне зреет то зерно, которое под слоями жира и напускного маргинализма протухло и исчезло в других.

Тот самый здравый смысл, который говорит мне:

Слезь с этой дряни.

Освободи свою задницу.

В отличие от многих, у этого голоса есть власть над моими мозгами.

Правда, лишь когда я засыпаю.

Животное в человеке хочет – жрать, срать, спать и ебаться.

Человек в человеке хочет только одного – прекратить эту бесконечную цепь.

Машина в человеке хочет… а, хрен знает, что она хочет.

И из-за чего?

Из-за чистой вредности.

Я не претендую на объективность.

У меня двойственная натура.

Мне нравится животное.

Мне нравится человек.

Я не знаю, что мне выбрать.

Счастье для большинства людей – трахать тех, кого им хочется.

Несчастье – когда трахать не получается никого, даже хомячка.

А что есть любовь?

Обладание?

Совпадение душ?

Интерес?

Страсть?

Нет.

Просто секс, если девушка не затронула тебя духовно.

А если затронула духовно, то это значит, что её не так-то просто отыметь, а такой вызов тебя распаляет.

Если в течение долгого времени, несмотря на постельные успехи, ты так её и не раскусил, это люди склонны называть любовью.

С женской стороны так же.

А друзья?

Если ты мазохист – то это те люди, которые имеют тебя изощрённе остальных.

Если ты садист – то это те люди, которых ты хочешь трахать или уже трахаешь изощрённее других.

Бинарный, ёб ты, код.

Я живу потому, что у меня есть неплохие возможности иметь достаточно большое количество людей.

Я умираю потому, что мир в совокупности решил изодрать мой анус в клочья.

Кто я?

Парень, который стоит в куче мусора, бумаги, грязных носков и пьёт кофе из большой фарфоровой кружки на которой нарисован Чебурашка и тупо смотрит на холодильник.

Что дальше?

Проматываем плёнку.

Форвард.

Парень, который вдруг взвизгивает и изо всей дури расфигачивает кружку об близлежащую(да, именно так) стенку. Кофе растекается по постерам.

А парень орёт, просто стоит и орёт, уже на более низкой ноте, орёт в полнейшей фрустрации и злости, отчего горло у него начинает напоминать связку верёвок. Он орёт, а потом с матерными криками, мешая русский, английский, португальский, начинает лупить по холодильнику руками и ногами, оставляя в пластике вмятины, бьёт так, будто это его злейший и худший враг…

Ну почему я не могу жить спокойно?

Ну почему я вечно занимаюсь самоедством?

Не оправдал надежд моих богатеньких родителей?

Да срать я на них хотел.

Был слишком забит в детстве?

Да срать я на него хотел.

Я просто слишком

Люблю

И

Ненавижу себя.

У меня раздвоенное сознание и каждая часть тащит меня в свою сторону.

Поэтому-то я и принимаю всю эту гадость. Она меня уравновешивает…

Да срать я на себя хотел.

Лучше буду животным и буду жить по течению, не забивая ячейки памяти всей этой хернёй.

Нет, лучше буду человеком и…

Нет, вообще-то я дизайнер. Нейро-дизайнер. Моя работа заключается в том, что я подключаю себя (глубоко-глубоко) к Сети и начинаю торговать своими грёзами. Домами, которые настолько реальны, насколько великолепны. Пейзажами и ландшафтами, доселе никем не виданными. Мегаполисы, монстры… все то дерьмо, которое я вычерпываю из своих снов или создаю заново.

Я работаю на многие фирмы и нигде не прикреплён официально. Везде и нигде. Думаете, если бы мои работодатели узнали, что я Спящий, мне позволили бы этим заниматься?

Хрен.

Зато все поражаются, насколько мои работы изящны, хоть порой и жестоки.

Музыка – это те же сны.

Ей тоже можно управлять…

Вот выйти из сна сложнее. Намного, мать вашу, сложнее…

Особенно, если сон не твой.

Это случилось меяцев семь назад. Я пришёл с какой-то попойки и отрубился.

Можно тут поговорить об открытиях.

Я открыл глаза и первое, что освидельствовало в моём сознании что дело пахнет керосином, был резкий больничный синий свет, причём мигающий.

Ванная.

Холодно. Было жутко холодно и мокро.

Сон так быстро не отпускает.

Trapped in the wake of a dream…

Я обнаружил себ в ледяной ванне. Действительно ледяной, посколько, будучи в сомнабульном состоянии я притащил туда два пакета сухого льда.

Я не мог двигаться, будучи обледенелым.

Я не знал, как моё сердце это выдержало.

Я лежал в холодной ванне, покрытой ледяной крошкой и думал.

Что-то там было не так.

Кап. Кап. Кап-кап-кап.

Из крана мерно капала вода.

Я посмотрел вниз, безучастно и отстранённо заметив, что на бордюрчике лежат бритвенные лезвия, измазанные кровью.

Я посмотрел на свои сине-белые руки, частично погружённые в воду и заметил, что на них аккуратно нарисованы две английские заглавные буквы «Ай», с перекладинами на запястьях и сгибах локтей.

Синее мигание.

Гудение.

Стробоскоп.

В таком свете всё становится преувеличенно чётким, а тени – яркими.

В таком свете, очень холодном, морозном свете, кровь похожа на вязкие чернила.

Она стекает с моих рук, из моих вспоротых вен, в воду, ровными чёрными полосками.

На самом деле, такого умиротворения и спокойствия, такой дзэнской гаромонии, как я испытал тогда, лёжа в холодной воде с перерезанными венами, наблюдая, как сочится, набухая, кровь, я не испытывал никогда.

Сухожилия и связки, вывернутые из моих рук блестели, красно-белым. Кожа разошлась под лезвиями, и это было красиво.

Сверху она белая, а изнутри подбита красным.

Тишина была…перфекционистской.

Совершенной.

Жаль, что в тот момент не было боли.

Моя голова была откинута назад, а кровь всё текла…

Не знаю, кто виноват, но на полке у раковины, что как раз висела справа от меня, лежал терминал-2.

Не знаю, чего я испугался.

Ответственности.

Неизвестности.

Того, что почти впервые в жизни я был спокоен и счастлив?

Я позвонил Ленке.

Она примчалась…

И…

Хэппи-энд.

Моя нервозность и злость и ненависть и дёрганность, как ни странно, не заполняют пустоту.

А…ну что мы всё обо мне да обо мне?

Вот ты, например?

Поцелуй плиз, мою тощую зелёную задницу.

А если ты хакер – то открывай свои мозги навстречу мне, моему киберсну.

Поездка, уверяю, будет незабываемой.

Кто я?

Мозгоёб, мля

Хотя… всё, что я говорю, все мои эмоции, мысли – это всё ненастоящее, поверхностное, под этим – лишь пустота.

Это лишь видимость жизни.

Корка.

Я только и делаю, что притворяюсь.

На самом деле

Я мёртв…

End of entry 437fuckedup

Ландшафт странный. Небо стальное, затянутое серо-грязной клеенкой. Именно на такие мысли оно и навевает. О клеенке.

Куда ни глянь – среднерусское или среднеамериканское редколесье. Осеннее редколесье, потому что с другой стороны, оно похоже на болото.

Во все стороны света оно расходится, до самого горизонта, это плато, усаженное мёртвыми и сухими, осинами и липами.

Они почти скинули с себя все листья.

Теперь, эти желто-грязно-коричневые остатки некогда былого великолепия толстым слоем усеивают мягкую, чёрную, чавкающую землю.

Ветра нет.

Всё замерло.

Чёрные, искорёженные остовы деревьев словно хищно извиваются, пытаясь дотянуться до неба.

Воздух, кажется напоён пряным разложением, грязью и осенью.

Силуэты сухостоя, растянувшегося на многие километры, растекаются чернильными разводами.

Здесь царит смерть и умировотворение. Из-под прелых листьев выпирают корни и кочки.

Сухие, расщеплённые ветки напоминают когти застывших в боевой стойке богомолов.

Замершие.

Этот пейзаж, словно фрактальный рисунок, тянется бесконечно, благо деревья отстоят друг от друга на достаточно большом расстоянии.

Под прелыми листьями, среди грязи можно вполне ожидать уведть что-то неприятное.

У этого мира краски всего четыре – жёлтая, чёрная, серая, грязно-корчневая.

Трупная….

Нет, это не лес.

Здесь деревья, как обломанные дряхлые зубы торчат из жирной земли как жертвы атомной войны.

Но листья…

Осень.

Посреди этого всего, испуганно озираясь стоит человек совершенно затёртой наружности, в серой, полусолдадсткой форме и натужно кричит в почти что абсолютную тишину:

– Покемон! Покемон вызывает Гнездо! Гнездо! Вы слышите?! Это Покемон! Гнездо! Неопознанный домен-ловушка! Полностью зашитый! Гнездо! Нужна помощь! Домен-ловушка! Запрашиваю помощь!!! – человек кашлянул и прекратил кричать. Ведь он кричал уже битых полчаса…

Человека звали Андрей Сергеевич Рылов. Ему было двадцать лет и он был оперативником ОБК.

Он нервно озирался, постоянно покусывая нижнюю губу. Его пальцы натужно переплелись между собой, заставляя костяшки белеть.

Всё должно было пройти по плану, как по маслу.

Отдел наконец зафиксировал одного хакера, недавно взломавшего базу данных крупной юридической фирмы «Ексел энд Грэнт».

Нашли линюю его подключения.

Дождались его входа в Сеть.

Устроили засаду.

Всё честь по чести, с оперативниками, нашпигованными девайсам по самое «не хочу», в глубокой подключке, с визуализацией.

Где-то его тело, крепко стиснутое в грип-кресле, опутанное датчиками и находящееся под неусыпным надзором медсестры, слегка дрожало, предчувствуя охоту.

Хакер, с труднопроизносимым и чуждым человеческому слуху именем $eRf[G]lId*R, вывалился из какого-то порнопритона, разгорячённый, довольный (про себя Рылов, не отличавшийся от простых смертных, подумал, что ему тоже будет совсем неплохо завалиться на какой-нибудь порно-домен), и пошёл ловить такси. В это время, они с напарником Сашкой выскочили из-за угла и направили на парня парализурующие модули, имевшие вид транквилизаторных ружей… крикнули, чтобы тот остановился и сложил всё, что у него есть.

Однако расхрабрившийся хакер (стервец), кинулся убегать, попутно уворачиваясь от парализующих дротиков.

«Быстро двигается, мудак» подумал Рылов, и тоже, будучи глубоко подключённым, рванул за ним. Сашка, чьи мозговые и хардверные возможности были послабее, слегка отстал…

Они неслись по улочке Наслаждений, сбивая пешеходов, шлюх, ботов, мусорные корзины, перепрыгивая через машины…

Однако, погоня не была длинной.

Пробегая около какого-то развлекательного центра, парень вдруг резко затормозил. Рылов уже было вскинул ружье, как увидел, что прислонившись к стене центра, в нише, скрываясь в тени, стоял другой человек. Его рука была вытянута к хакеру, стоявшему метрах в пяти от него и судорожно глотавшему воздух, и словно длинная туча из невидимых мошек, гудяще-прозрачных, протянулась из руки того, другого, человека в направлении хакера.

Тот издал вскрик и…

Исчез.

Рылов долго не думал. Он прицелилися и поймав голову того, другого, в прицел, спустил курок.

Тот смазанным, ленивым движением дёрнулся, так характерно для глубоководника, махнул перед собой рукой, отбивая дротик от себя, словно надодливую пчелу и прыгнул к оперативнику.

То, с какой быстротой он это сделал, успело ошеломить Рылова.

Больше он ничего не успел.

Тот протянул к нему руку, дотрагиваясь до него.

Последнее, что увидел Рылов, прежде чем окунуться в вихрящуюся, невесомую тьму, были чёрные глаза и бледное лицо странного человека.

Потом он оказался здесь.

Рылову было двадцать лет и он был виртуальным спецназовцем, чей отдел находился в небезызвестном здании на Лубянке.

После того, как он завалил экзамены в МИФИ, его заграбастал комиссариат. И, уяснив тягу парня к математике и комбатным тренажёрам, быстренько спихнули его в ОБК, где он успешно дослужился до звания лейтенанта.

Да, опасная работка была, учитывая, насколько реальной была НейроСеть, однако, и Андерй это понимал, на войне как на войне. В противовес глубоким хакерам, обладавшим спецвозможностями, создали отряды таких же глубоких ОМОНовцев. В принципе, им не рекомендовалось убивать, однако схватки порой разыгрывались не на жизнь, а на смерть, учитывая, какие смертоносные средства разрабатывала та и другая сторона…

Рылов думал, что знал всё. Однако с доменом-ловушкой он столкнулся впервые и это ему очень не понравилось. Он проверил снаряжение и поставил вокруг себя типичный ОБКовский файрвол. Выйти из этого домена он не мог, так как, после беглой проверки тот оказался зашит так, как не зашивались и государственные кластеры. Связаться с оператором он тоже не мог. Оставалось ждать, что либо его свои вытащат, либо, по прошествию суток, его выбросит автоматически. И, хотя он знал, что сейчас он под капельницей и что за ним наблюдает медстестра, а также, что истощение ему не грозит, ему всё равно не хотелось торчать сутки в этом унылом и жутковатом месте.

И это при условии, что всё будут в порядке. Ведь, как он думал, есть ещё этот парень, что, видимо втянул его сюда и тот хакер. Что-то там было не так. Какое-то чувство ело его изнутри, какое-то беспокойство и зуд. Что-то было не так.

Ему очень не нравился этот капкан. И не напрасно.

В реальности, над его телом склонялся сам капитан Отдела, а врачи только бегали вокруг и ничего не могли сделать. Стояла жуткая суматоха, весь Отдел встал на голову. Операторы прочёсывали Сеть в поисках остаточного сигнала, но вся связь с утерянным пропала. Его местонахождение было неизвестно. Царила паника.

В реальности, парень впал в кому… и на мониторе активности мозга бежала почти прямая линия…

Рылов несколько раз прошёлся взад-вперёд, наблюдая, как проминаются листья и земля под его ногами.

Всё было гиперреальным. Смертельно реальным. Как и должно быть при глубокой подключке.

Вдруг вспомнилась одна из Заповедей Устава:

«Умрёшь в Сети – умрёшь в реальности». Рылов содрогнулся.

«Примечание – действенно для таких же глубоководников, как и ты.»

Сейчас об этом думать не хотелось.

«Меня вытащат» подумал он, в сотый раз окидывая взглядом мёртвый пейзаж.

И тут…

Резкое приближение…

Втягивание пространства.

Он оказался почти что нос к носу с неким человеком.

Рылов испуганно выдохнул.

Человек стоял в метрах шести от него, рядом с деревом. Оно нависло над ним, словно собираясь наброситься.

Одет он был в не то плащ, не то в монашескую рясу. Просторный капюшон надвинут на лицо так, что кроме темноты увидеть что-либо представлялось невозможным. Ряса его была из тёмной, почти чёрной кожи, странной, поглощающей падавший тусклый свет, выделки. Руки человека были спрятаны за спиной. Он слегка наклонил голову, как бы приветствуя оперативника, и тот, ошеломлённый, увидел, что капюшон проткнули десятки стальных загнутых лезвий, мрачно блестевщих в сумрачном свете.

«Ничего себе шевелюра» неожиданно для себя подумал Рылов, делая шаг назад.

Человек же сделал шаг вперёд, мягко, неслышно ступая…

– К-кто вы? – осторожно спросил Рылов, попутно вытаскивая боевой шотган (он же убивающий модуль) из-за пояса.

– Я? Спящий… – голос незнакомца, чьё лицо всё ещё было сокрыто, был шелестящим и вкрадчивым. У Рылова вдруг создалось ощущение, что незнакомец говорит больше, чем одной парой губ.

Но это слово. Спящий. Пришедшее из дебрей подготовки. Рылов почти что услышал мерно-надрывный голос лектора:

"Как вам известно, подключенный напрямую через головной мозг человек не только верит и ощущает *реальную* реальность, его окружающую, но и приобретает дополнительные возможности в виртуальном мире, чего нельзя сказать о… подключённых через троды, которые хоть и симулируют реальность знакомую людям, почти стопроцентно, но не так, как при слиянии электронных импульсов мозга, симбикома, нейротрансмиттера и собственно,

Сети. Эта совокупность перевода человеческого сознания в виртуальную среду, непосредственно затрагивающая не только базовые пять чувств, но и более глубинные слои психики, кои и составляют нашу реальную картину мира и есть прямое подключение…. кхм… ну вот вы знаете про хакеров, кракеров и прочих, хех, фрикеров, которые пользуются спецвозможностями для грабежа других людей, убийств и тому подобного, и про таких как вас, служащих правоохранительных служб… а есть ли другие… гм… касты?

Задняя парта, молодой человек, ну…

– эээ… Спящие?

– Отлично! Спящие. Дримеры… если простите за грубость,… ммм… мозгоёбы..

Взрыв смеха.

– Ладно, затихли. Так вот, Спящие – это аспект, о котором знать необходимо, хотя знаем мы и не много. Итак. О Спящих следует упоминать неразрывно с таким любопытным явлением, как киберсон. Явление это не очень хорошо изучено и достаточно редко встречается. Суть его состоит в том, что некий человек, замечу, человек с особым складом психики и со специфической физиологией и биохимией мозга, умудряется *заснуть* в Сети. Естественно, глубоко подключившись. При этом происходит слияние нескольких форм бытия – сна, подсонательного, сознательного, то есть бодрствующего состояния, и виртуальности. В таком необычном состоянии – это исследовалось в Институте мозга и у нас, и заграницей – бодрствующая часть сознания сливается, или обращается, как к программе, к подсознанию, из которого и происходят сны, и при этом, ко всему прочему, объединяется с инфо-полем Сети… Так. Какие люди становятся спящими? Как ни странно, строгого критерия не найдено. Человек может быть предрасположен к киберсну, однако…. никогда не заснуть в Сети даже по причине того, что он не подключён глубоко или вообще не ходит в Сеть… А? Что же киберсон даёт? Хороший вопрос. По скупым наблюдением стало понятно, что Спящие, особенно обладающие художественными способностями, являются уникальными архитекторами доменов и развлечений НейроСети – их подсознание, сон, позволяет создавать невиданные грёзы… Многие Спящие и пошли по этому пути, поскольку они как никто понимают Сеть, являясь по сути, частью её. Они могут оживлять для других свои фантазии и оживлять так, как никому и не снилось, причём безо всяких трекинг-программ. Конечно, вы понимаете, что это всё очень мило, но почему я вам рассказываю? А вот почему. Эти люди обладают одной очень опасной

особенностью – их сознание может ловить сознание людей в глубокой подключке. То есть, *замыкать* сознание человека в *своём* сознании, в своём сне, и эта ловушка для пойманного в капкан будет гиперреальной. А поскольку киберсон полностью подчиняется Спящему, то тот, по сути, может творить с жертвой всё, что угодно. Может посадить её в эпицентр ядерного взрыва или ещё что… Да – во время захвата – а у нас эта информация от чудом выживших хакеров – человек, пойманный в сон-ловушку, впадает в кому. Хакеры называют это «мозговым трахом». Все связи отрубаются. Человек пропадает и даже ОБК не может его найти… Такие люди, как Спящие-убийцы, к сожалению… или к счастью, есть. Их не много, способность эта редкая, а многие уходят в гражданские сферы.. А вот те, кто убивает – их боятся, но не мы, а хакеры. Дело в том, что фирмы, разрушенные или потрёпанные хакерскими атаками, часто желают отомстить. И тут появляются Спящие-киллеры. Они – специалисты по умерщвлению преступников и в этом мы с ними в каком-то смысле коллеги. Правда, иногда погибают и простые богатые люди, любящие экстрим и глубоко подключающиеся, если их враги натравливают на них дримера… Но хакеры и сами убивать могут, только вирусными средствами, а против любого вируса, как известно, есть антивирус, а вот против киберсна… Есть лишь одно средство, и изобретено оно не нами, а пресловутыми хакерами – кокон. Он как бы копирует часть вашего сознания, не давая вам окончательно увязнуть в киберсне. В коконе, если Спящий его не взломает, человек может продержаться долго. Но Спящие часто ломают коконы. Хотя… на всякий пожарный, с прошлого года, кокон входит в стандартный файрвол оператвника… Да, ещё – Спящий практически невычесляем. Только самые продвинутые трейсы могут найти Спящего в киберсне…Если говорить о хакерах – будучи пойманными и расколотыми, они иногда вступают в схватку и даже побеждают – оказалось, что в собственном сне Спящий тоже смертен, поэтому они предпочитают убивать жертву своими руками, нежели создавать в сне-мире катаклизмы и прочие неконтролируемые и обширные смертоносные явления… в заключении…кхм…совсем горло село…хотел бы добавить, что Отдел никогда не вступал в контакт со Спящим-киллером или, тем более, арестовывал его… с другой стороны, мы знаем, что они есть, что они скрытны и опасны лишь для преступников…."

«Спящий. Кокон. У меня есть кокон. Слава богу… я в киберсне?» мысли роились в голове у Рылова. Он сделал ещё шаг назад.

Приближение..

Незнакомец практически прижался к Рылову, когда вдруг между ними вспыхнула стена из жидкого пламени. Тот отпрянул. Лезвия, на вид дико острые, блеснули отражённым огнём.

– Что вам надо? – спросил Рылов, немного приободряясь. Стена схлынула, как только бритвоволосый отступил. – я вас предупреждаю, я из Отдела поБорьбе с Киберпреступлениями и если вы хоть… – он осёкся. Под тяжёлым небом, ударяясь об искорёженный стволы, его голос звучал сипло и испуганно. Как у маленького мальчика.

– Я знаю. – незнакомец обошёл его со стороны. – я думаю, что мне с тобой делать. Ты напал на меня.

Рылов настороженно следил за человеком. Тот, как раздражённый хищник в клетке, прошёлся перед ним, всё ещё держа руки за спиной.

– Вы обязаны меня сейчас же отпустить. – с нажимом произнёс Рылов, поднимая пистолет.

– Ты думаешь, твоя перделка меня остановит? – поинтересовался его (противник), снова замирая напротив дерева. – или… твой кокон?

Рылов дрогнул, но не опустил пушку. Ему всё это не нравилось. Но он же был грёбанным специалистом по борьбе с такими ублюдками. Он не должен поддаться страху.

– Именем за…

– ЗАКОН здесь Я. – в голосе чувствовалась усмешка. – я и только я. Всё это. – кивок головой и блеск лезвий. – создал я. Правда, красиво?

Свинцовые тучи.

Обсидиановые, пепельные стволы.

Могила.

Осеннее кладбище во все стороны.

Грязь.

Подул неприятный ветер.

– Не очень-то гостеприимно… – заметил оперативник, сжавшись от внутреннего напряжения. – я даже лица твоего не вижу…

– А ты *хочешь его увидеть?* – последовал шипящий ответ.

Кишки Рылова дрогнули при звуке этого многослойного, холодного голоса.

– Да. – решившись, твёрдо сказал он. «О боже, ну как я выдержу здесь сутки.»

Приближение… резкость. Пикселизация.

Капюшон приоткрылся. Незнакомец даже не воспользовался руками. Рылов не сдержал вскрика, хотя видел он многое, и хуже.

Лицо незнакомца трудно было назвать лицом. Оно

представляло собой клубок беспрестанно шевелящихся, извивающихся, склизких, чёрных и болотно-зелёных змей. Вместо глаз – два чёрных блестящих провала.

Dig the eyes out of my face and I'll still see fucking through you…

Они смотрели в самое нутро Рылова, терзая его, разрывая и полосуя его, в то время как его сознание корчилось от боли.

Эти глаза были слепы.

Но смотрели и видели всё.

Эти глаза были пусты.

Но на дне тлел огонь ненависти.

На месте рта – три безобразные головы гадюк, непрерывно высовывающих свои мерзкие языки и впившиеся в Рылова немигающим злым взглядом.

Змеи шевелились и скрипели друг об друга скользкими телам.

Рылов отшатнулся, и, не думая, выстрелил.

Пули симулировали настоящие пули.

Но змееголовый двигался быстро – это был его мир. Он повёл плечом и три пули просвистели мимо. За его смазанными движениями было трудно уследить.

Он прыгнул и увернулся от последних. Шотган был пуст, и Рылов потянулся было за другим магазином, но Спящий прошипел:

– Прекрати. Это бесполезно. Ты дурак. В твоём коконе, когда ты атакуешь, появляется брешь.

Рылов замер. В его голове не было мыслей, только паника. Примерный оперативник потерял голову.

– Если я захочу, я тебя убью. – саркастически заметил змееголовый. – а я, скорее всего, захочу…

Он наконец извлёк руки из-за спины. Рылов отупело уставился на них. Руки были не менее устрашающими и странными, чем лицо. До локтя их скрывали широкие рукава рясы, а вот ниже… из человеческой плоти, прорывая её изнутри, торчали двадцати– и тридцати-сантиметровые шипы и лезвия, сверкавшие хромом и ртутью. Вокруг прорывов коростой запёклась кровь. Из передних фаланг пальцев росли стальные загнутые когти, отливавшие бритвенной остротой и синевой.

Рылов вздрогнул.

Спящий обвёл свои владения рукой.

– Мой мир чуден. Ты согласен? Ах, я уже спрашивал тебя.

Рылов молчал. «Он сумасшедший. Безумец»

– Его концепция. – шипел змееголовый. – частично взята мной из старого-старого фильма под названием «Ведьма из Блер». –он издал нечто вроде смешка и пригладил торчавшие из

головы лезвия рукой. Рылов заметил, как в огромном разрешениии, кровь из распоротой ладони потекла вниз, на листья.

– А где… тот, хакер… – вдруг спросил он, отрываясь от созерцания крови.

– Надо же, ты тоже помнишь этот фильм. – Провалы глаз сузились. – просто отлично

Мир завертелся перед глазами Рылова и когда он остановился, то увидел, что стоит перед большим, зловещим деревом, видимо, осиной. Дерево словно билось в агонии, а потом застыло.

Рылов поднял глаза и закричал.

Парень был гол, но лицо, с каштановыми прямыми волосами и правильным носом осталось почти тем же и поэтому оперативник его узнал.

Парень был распят, по христианскому обычаю, а его тело висело на ветвях.

С него была частично содрана кожа, а в запястья и ступни забиты большие ржавые гвозди.

Рылов мог рассмотреть покрытые запёкшейся кровью, обнажившиеся сухожилия и мышцы. Кровь, как липкая красная патока, блестела на мёртвом теле. Но и это было не всё. У парня был распорот живот чуть ли не от паха до груди, выставляя напоказ заляпанные багрянцем рёбра и похожие на связки испачканных дерьмом сосисок, внутренности, что безвольно свисали, облепленные тучей мух. Лоскутья кожи свисали с тела, рваные, кровавые.

Руки-лезвия змееголового были покрыты кровью, как позже заметил Рылов.

Рот парня был открыт в крике боли и смерти, и в этот рот был вбит колышек. Из уголка текла струйка пенящейся крови.

В глазницах кишели белые черви и личинки, они выползали из них, вгрызаясь в лицо, заполняя рот… в воздухе висел тяжёлый, гниющий медный смрад трупа…

«Хорошо ещё, что он не кастрирован» отчего-то подумал оперативник.

Рылов закричал, а потом отвернулся и согнулся в три погибели, не в силах проблеваться.

«Псих. Псих. ПСИХ!!!!»

Услышал вкрадчивый голос над своим ухом.

– А ты думал, Сеть и дример – как в книжках о фальшивых отражениях, оперативник?

Рылов развернулся.

– Ты… – он снова глянул на труп. – ты урод, ох бля, ты же

псих, подонок, ублюдок сраный…ты убил его..

– Да. Он умер мучительной смертью. – три гадюки раскрыли пасти, демонстрируя ядовитые клыки, с которых капала слюна. – как умрёшь и ты…

Из его руки рванулась ярко-алая нить, словно сотканная из неона. Она ударила в воздух рядом с Рыловым и, словно соприкоснувшись с чем-то твёрдым, отпрянула, но… над оперативником вдруг растёкся оранжевый купол.

– Кокон! – безумно и радостно взвизгнул змееголовый и ломанулся к куполу.

Рылов не успел понять, что происходит, как Спящий, выставив вперёд руки с когтями, рубанул ладонями по прозрачно-оранжевой стене кокона и прорвал её. По краям разрывов побежал синий огонь и начал шириться, пожирая кокон и файрвол, как обычный огонь – бумагу.

В считанные секунды вирус пожрал кокон и Рылов оказался беззащитным. Он попытался вытащить виртган, заряжённый различными вирусами, выхывающими глюки, сбои и так далее, но здесь… они были бесполезны. Пистолет пеплом рассыпался в его руках.

– Твоя смерть, может, будет и более быстрой. – прошипел Спящий. Он стоял перед оперативником, но не атаковал. Выжидал. впитывал запах животного страха, исходившего от Рылова.

– Сука! НУ ДАВАЙ, МАТЬ ТВОЮ!!! – заорал вдруг Рылов.

Змееголовый зашипел.

Рылов увидел, как вены на руках Спящего вдруг вспухли, словно набухая изнутри. Раздался треск вспарываемой ткани и вены лопнули, орошая кровью чёрную с жёлтым землю, плоть разошлась и как огромные, стальные сухожилия из лопнувших вен, из обеих рук, развернулись две хромированные змеи.

Робо-змеи.

Зависнув в воздухе, они раскрыли усаженные металлическими шипами и иглами пасти, а позади головы каждой из них раскрылся гребень из лезвий.

Лицо змееголового приобрело более человеческие, даже, совсем человеческие очертания и теперь было лицом подростка с шевелюрой из бритв, а под кожей лица, исказившемся в маниакальном оскале, пробегали судорожные волны.

Парень улыбался.

И это было самое страшное, что только видел Рылов.

«псих»

Змеи, раскручивая металлические пружинящие кольца, рванули из рук Спящего к беззащитной плоти.

Опер попытался увернуться, собрав в кулак все силы и волю, но… змеи оказались быстрее, и достали его. Рылов орал, орал и тогда, когда одна змея впилась ему в пах, в нежную плоть, расплескивая тяжёлые рубины, а другая – в кисть правой руки, дробя кости.

Он кричал и захлёбывался своим криком, как блевотнёй….

– Нет, – перебивая его, кричал уже и Спящий. – я не убью тебя, о нет, ты, ты пройдешь со мной по всему аду, о да, по всему аду!! – он засмеялся. – ПО ГРЁБАННОМУ АДУ!!!

Змеи отпустили его. Рука превратилась в лохмотья, а по порванным штанам расплывалось красное пятно.

В глазах Рылова более не было разума.

Не было разума и потом, когда змеи обвили его всего, полностью погребая его в своеобразном стальном коконе.

А Спящий с пустыми глазами и животной, звериной улыбкой, обнажавшей жёлтые зубы, смеялся, смеялся и смеялся, провожая оперативника в Ад.

Смех этот всегда блуждал в голове полоумного, пускавшего слюни, Рылова, которого, после его экстренного выброса в реальность, поместили в психиатрическую клинику. Он сошёл с ума, от того, что он пережил в сознании Спящего до… и после того, как спящий развернул змей…и потом… после – было в тысячу раз хуже…это был Ад.

Ведь тот смеялся, смеялся, смеялся…

Смеялся.

И его оскал.

Всегда будет отпечатан на плате его памяти.

Оскал сумасшедшего.

Спящего.

Смех…

Смех….режет, как бритва, солёно-синяя…

Смех…

Оскал.

But I can't wake up,
Trapped in the wake of a…
Dream, you're all killers, always fuckin'
Pushing me, insulting me, I've overcome,
I've found the strength of gods in me
Crushing, all unwilling, this is so
Un-stoppable…
Hard as nails, hook that holds, reach down
And find the strength of many in you
I hope I never wake up…

Dream sewing, filters, distort reality of what
Is mine through
Light this mind awakens
I draw the line from then and now,
Awake and dreaming,
Forgotten past and future becomes my…
Dream, you're all killers, always fuckin'
Pushing me, insulting me, I've overcome,
I've found the strength of gods in me
CrusHing, all unwilling, this is so
Un-stoppable…
Hard as nails, hook that holds, reach down
And find the strength of many in you…
I hope I never wake up….

Часть первая писалась под вдохновением этих замечательных исполнителей

Slipknot, Mudvayne, Korn, Linkin Park.

В тексте использованы фрагменты песен группы Mudvayne.

Часть названия была инспирирована названием альбома группы Drakkar «The Razorblade God»